Татьяна Любимая

16+

Чудо-чадо и чудовище

Татьяна Любимая

Чудо-чадо и чудовище

«Автор»

2021

Любимая Т.

Чудо-чадо и чудовище / Т. Любимая — «Автор», 2021

Маленькая девочка решила помочь мужчине с уродским шрамом на лице стать красивым. Ну и что, что у него есть невеста? Ну и что, что у ее мамы есть жених? Ну и что, что они, оказывается, работают в одной компании? Вот поцелует красавица чудовище и он тоже станет симпатичным. А на помощь позовем золотую рыбку, аленький цветочек и всех-всех родственников!

© Любимая Т., 2021
© Автор, 2021

Содержание

Глава 1. Страшно было? 5
Глава 2. «Продолжайте!» 9
Глава 3. Нельзя садиться к незнакомым дяденькам в машину! 13
Глава 4. Инструкция к действию 16
Глава 5. Не удержался от соблазна 20
Глава 6. На свидание 25
Глава 7. Жениться не хотел, да? 32
Глава 8. Не нравится… 35
Глава 9. Минус 1 или Мне нужен ты! 38
Глава 10. Пора скомпрометировать 44
Глава 11. Без мозгов тяжело 49
Конец ознакомительного фрагмента. 52

Татьяна Любимая
Чудо-чадо и чудовище

Глава 1. Страшно было?

– Елена –

– Дядя, ты чудовище?

Вопрос пятилетней девочки полетел мимо меня за столик позади.

С замершим сердцем оборачиваюсь посмотреть на того, кого моя дочь окрестила чудовищем. За соседним столиком нашего любимого кафе обедает жареным стейком и салатом мужчина лет тридцати. Сидит ко мне боком, поэтому виден только его профиль.

Волосы черные, аккуратно уложенные, темные густые брови, красивая линия губ, нос прямой. Деловой костюм темно–синего цвета, голубая рубашка, расстегнутая сверху на две пуговицы, стильные часы на руках.

Довольно–таки симпатичный. Раньше я его здесь не видела. Интересно, почему чудовище?

Мужчина поперхнулся, закашлял в кулак. Дочь тут же спрыгнула со стульчика, подбежала к незнакомцу и заботливо похлопала его по спине, участливо заглядывая в глаза. Вряд ли ее легкие шлепки помогли ему, но кашлять он перестал. Покряхтел еще немного, смахнул что-то с ресниц, а потом уставился на Маринку мокрыми от кашля глазами. Ресницы у него красивые – густые, темно–коричневые. Шоколадные, как назвала бы их цвет моя дочь.

– Почему это я чудовище? – спросил он ее красивым мягким баритоном.

– Ты на себя в зеркало смотрел? – дочь уперла руки в боки: допрос с пристрастием только начался. Держись, мужик.

– Кхм, смотрел.

– Страшно было?

Мужчина поднес ко рту кулак, снова кашляя, пряча тем самым смех. Только грудь начала ходуном ходить от с трудом сдерживаемых приступов хохота.

Прокашлявшись ~~проемеявшись~~, он повернул в мою сторону удивленные глаза с немым вопросом в них – откуда такое чудо–чадо взялось?

Так вот почему дочь задала тот провокационный вопрос – скрытая от меня половина лица мужчины испещрена глубокими шрамами. Они еще не побелели от времени, а потому пугают багровыми бороздами, неконтролируемо бестактно притягивая все внимание на себя.

Маринка моя заметила эти жуткие шрамы и, нисколько не стесняясь, спросила мужчину в лоб:

– Дядя, ты чудовище?

А теперь он смотрит на меня примерно с таким же текстом в глазах и ждет ответа.

Я, смутившись и густо покраснев от стыда за Маринку, пожимаю плечами. С моей дочерью бесполезно разговаривать о тактичности. Проще не мешать, чем отвечать на миллиарды вопросов почему нельзя задавать людям провокационные, местами ранящие их вопросы. А Маринкины вопросы в данный момент могли ударить по больному – все-таки шрамы жуткие и вряд ли этот мужчина чувствует себя комфортно, нося их на себе. Может, он не приступы хохота прятал в кулак, а плача?

Шрамы действительно портят лицо нашего соседа. Пугают. В первое мгновение хочется убежать от него и забыть. Я думаю, этот мужчина и сам знает, какой производит эффект на окружающих, когда посещает людные места. Обедает вон стейком и салатом, игнорируя косые

взгляды и шепотки других посетителей. Привык, наверное. С другой стороны, не сидеть же дома один на один со своим отражением, чтобы не травмировать чужую психику?

– Мариночка, у тебя мороженое тает.

Я всеми силами стараюсь спасти свою репутацию образцовой матери, репутацию моей непоседы и возможное несварение постороннего человека, который попал под обстрел каверзными вопросами белокурой малявки. Еще и в кафе как назло полно народу – время обеденное, все столики заняты. И мне кажется (надеюсь, только кажется), что все посетители снизили голоса на несколько тонов – подслушивают разговор Марины и этого странного мужчины.

– А мороженое твое любимое – клубничное и фисташковое, – использую последний шанс призвать дочь к благоразумию. – Скоро нагреется.

Даже перспектива есть не мороженое, а теплую пенку от него не вернула мне Марину.

– Так что, страшно? – не отстает настырная девочка от мужчины.

– Немного страшно. А что? – с растущим интересом разглядывает он мою кнопку с двумя пшеничными косичками и в джинсовом сарафанчике. Голову склонил набок и ждет очередные перлы от моей дочери.

– Ты не переживай. Это только поначалу ты страшный. А если приглядеться – то вполне себе ничего мужик.

Господи, откуда моя дочь знает такие выражения? Не из садика же? Неужели подслушивала дамские разговоры в салоне красоты, что недавно посещала моя мама, Маринкина бабушка? Как она может оценивать мужика в свои пять с небольшим лет?

– Спасибо за комплимент.

Я еще ниже склонила голову к тарелке, желая провалиться сквозь землю от этого позора. Жаль, совсем недавно сделала каре – длины волос теперь не хватает спрятаться от пристального взгляда допрашиваемого. Зато могу разглядеть все шоколадные крошки в своем мороженом и даже сосчитать их. Раз, два, три…

– Кхм, кхм! – Нарочито громко прозвучало со стороны соседнего столика. Пришлось поднять глаза, делая самое невинное выражение лица. – Ваше чудо? – спрашивает сосед по столику, обращаясь ко мне. Но мне очень хочется оглянуться, и убедиться, что он разговаривает не со мной.

– Наше, наше, – уверенно отвечает за меня Маринка.

Стоит моя кроха, вся такая деловая, выпятив животик. Выставила одну ножку вперед, уперев руки в бока, и пристально рассматривает мужчину. Ему пришлось отвести от меня взгляд и снова обратить внимание на девочку. Мне показалось, что он даже растерялся от ее взгляда.

– А я знаю, что сделать, чтобы ты снова стал красивым, – заявляет, прищурившись, Марина, склонив голову набок, копируя чудовище.

Как думаешь, прокатит?

– А я знаю, что сделать, чтобы ты снова стал красивым, – заявляет, прищурившись, Марина, склонив голову набок, копируя чудовище.

– Марина! – одергиваю девочку, так как она переходит все границы.

Я горю со стыда за ее поведение, уже готова схватить ее за руку и силой утащить из кафе, наплевав на самое вкусное мороженое в городе. Ах, да, надо еще не забыть извиниться перед ~~чудовищем~~ мужчиной. Боюсь представить, что он подумал обо мне как о матери – не умею воспитывать дочь – однозначно. Вон какие красноречивые взгляды кидает этот «красавчик» то на меня, то на девочку.

И зачем я забрала дочь из детского сада так рано? Пришли бы сюда как обычно в субботу. А теперь про субботний ритуал придется забыть на какое-то время. Стыдно будет смотреть в

глаза персоналу и завсегдатаев этого заведения после того, что учудила моя кнопка. И в кого она у меня такая?

– Марина! – снова требовательно зову ее за наш столик, вкладывая максимально властные нотки в голос, но мужчина вдруг выставляет ладонь, жестом показывая, чтобы я не мешала им с Маринкой общаться.

Я замираю на полуслове. И вообще в какой–то момент начинаю чувствовать себя лишней, пока эти двое – моя дочь и незнакомец со шрамами в пол-лица – миленько так общаются. Зато я успеваю заметить на безымянном пальце отсутствие кольца. Понимаю, что это ничего не значит, многие занятые мужики не носят обручалку под разными предлогами. Тут же одергиваю себя. Какое мне дело занят этот мужчина или нет? Я же за него замуж не собираюсь!

– Хм, и что же? – все больше увлекается разговором с девчушкой сосед по столику.

Марина подпрыгивает и почти ложится на стол животиком, чтобы стать ближе к своему собеседнику и сказать ему на ухо великую тайну. Две пшеничные косички плюхнулись со спины на стол. Как раз на то место, где несколько секунд назад стояла тарелка с салатом. К счастью, чудовище предусмотрительно отодвинул еду в сторону, едва втянулся в разговор с несносной девчонкой.

Он тоже нагнулся к девочке, чтобы услышать то, что она хочет ему таинственно нашептать на ухо.

– Тебя должна поцеловать красавица, – громким шепотом говорит дочь.

Такое ощущение, что все посетители кафе уставились на нас и, замерев, тоже внимательно слушают самый великий секрет вселенной. Кажется, уши у всех присутствующих превратились в локаторы и развернулись в сторону загадочного голоса малявки.

А коза моя сказала и спрыгнула со стола. Сложила руки на груди и смотрит теперь на мужчину – ждет реакции.

– Ага, сначала поцелуй, а потом женись, – чуть насмешливо реагирует тот.

– Боишься? – щурится дочь.

– Не то чтобы очень…

– Не бойся, это не страшно, – машет рукой Маринка.

– Откуда ты знаешь? – не сдается чудовище.

– Бабуля сказала.

– М-м, – мужчина пару секунд задумчиво смотрит на Марину. – Поцелуй, говоришь?

– Ага, – расплывается от уха до уха широкой улыбкой моя малявка.

– Что ж. Я готов. Целуй.

И тыкает пальцем в середину щеки. Наклоняется к Маришке, подставляя ей красивую часть лица для поцелуя.

– Ты что? – возмущается дочь, тараща на него глазенки. – Я же маленькая! Я могу поцеловать только Сеньку из своей группы. Тебя должна поцеловать взрослая красавица.

Мужчина медленно выпрямляется, также медленно крутит вокруг головой – осматривает посетителей кафе.

Некоторые девушки мгновенно склонились над тарелками, кто-то отвернулся, а кто-то с любопытством следит за нашей троицей, не обращая внимания на свое чадо. И только парни хихикают и переглядываются со своими половинками в ожидании выбора чудовища.

Собеседник дочери останавливает заинтересованный взгляд на мне, быстро осматривает с ног до головы и снова наклоняется к Маринке. Говорит ей, но я-то слышу! И не только я!

– И все? Тогда я сейчас попрошу **твою маму** меня поцеловать. Как думаешь, прокатит?

Только не это! Нет! Нет! Нет!!!

– С **моей** мамой точно не прокатит. Хотя-я…

Тут Маринка сама оглядывается на меня и, придирчиво не торопясь, осматривает, оценивает. Вслед за ней и товарищ этот тоже снова на меня уставился, более дотошно изучая,

выгнув дугой бровь. Зеркалю ему гнутые брови. Еще не хватало, чтобы меня разглядывали как помидоры на рынке. Как бы пальцем потыкать не надумали.

Краснея пуще прежнего от такого внимания, стараясь не смотреть на чудовище, я расширяю глаза, показывая дочери, что так не делается, и она переходит все границы. Ох, чую, всыплю я ей дома! Не физически, конечно, но серьезный разговор и наказание ей точно светит. Так, что бы придумать? Точно, лишу ее чтения любимых книжек на ночь. А еще оставлю на неделю без мороженого. Ни одного не куплю. Даже малюсенького шарика. И бабуле накажу. И в субботу сюда не придем. Точно!

– Ну… можешь попробовать, – как бы уступая, дает разрешение дочь.

«Ой, коза! Ну держись!»

Ее новому «другу» повторять не надо. В одно мгновение он встает со своего места. Ого, а он тот еще шкафчик: помимо широких плеч, сильных рук, крепкой шеи, что я заметила с первого взгляда, у него оказался еще и высокий рост и красивое сложение.

В один широкий шаг мужчина преодолевает короткое расстояние между нашими столиками, врывается в мою зону комфорта и…

– Можно? – звучит совсем близко.

Я не успеваю пикнуть, как он обхватывает мое лицо двумя огромными теплыми ладонями, поднимает его и впивается своими губами в мой рот…

Глава 2. «Продолжайте!»

– Елена –

Мама дорогая! На глазах у всего кафе, на глазах у дочери я целуюсь с мужчиной, которого вижу впервые в жизни от силы минут десять. Он ужасен! У него шрамы! Я даже не знаю, как его зовут! Какой пример я показываю дочери?

А он целует…

Долго, жадно, проталкиваясь языком в мой рот, сталкиваясь с моим, кружа вокруг, щекоча нёбо, отчего по всему телу идут сладостные импульсы… Я сижу на стуле, а такое ощущение, будто под ногами и попой нет опоры. Чтобы не упасть в пропасть, я хватаюсь за лацканы пиджака этого наглеца, как за спасательный круг, машинально тяну на себя.

Прикрыв глаза, парю, забывая обо всем на свете, в том числе и где я… Все мысли выбило одним махом, стоило чудовищу так нахально завладеть моими губами.

В нос бьет одуряющий запах классного одеколона, заполняет легкие, впитывается в кожу. М–м–м! Как вкусно!

И сам мужчина невероятно вкусный. А его язык вытворяет с моим такое… Это же секс в чистом виде…

Тяжелая широкая ладонь опускается на мой затылок, пальцы зарываются в волосы, притягивают ближе. Плевать на идеально уложенное каре.

«Продолжайте!»

Мы обмениваемся дыханием, сердце забывает, что надо биться.

Я парализованной мушкой, попавшейся в сети коварного паука, смиряюсь и предаюсь потрясным ощущениям, что растекаются кайфом по мельчайшим сосудам и венам. Низ живота закручивает, ноет, в конечностях онемение, а в подушечках пальцев приятное покалывание миллиардов иголочек. И это несмотря на то, что руки мои в какой-то момент переместились на каменные плечи этого гиганта, возвышающегося надо мной, и вцепились в них мертвой хваткой. Исключительно для удержания равновесия.

«Не останавливайся!»

– Что вы себе позволяете? – возмущаюсь, с трудом оторвавшись от ~~самых классных~~ наглых губ чудовища. Шлепаю вдобавок со всей силы ладонью по его груди. – Ай, больно! – трясу рукой. – У вас там что – бронежилет?

– Всего лишь мышцы. Увы, показать не могу, слишком много посторонних глаз.

Сзади кто–то хихикает. Наверное, те четверо – две девушки и два парня за соседним столиком – услышали нас.

А чудовищу все равно. Стоит надо мной глыбой, все еще согнувшись, и ухмыляется. Ухмылка выходит кривой – шрамы натягивают кожу на лице, и губы ползут не в улыбку, а в болезненную гримасу. Зато другая сторона лица симпатична и приветлива. Чудовище внимательно смотрит на гамму эмоций на моем лице – словно пытается прочитать, какое впечатление он на меня производит. Странно, но отторжения я не чувствую. И жалости тоже.

– Нахал! – единственное, что приходит на поплывший от поцелуя ум.

– Потрясающе…

Я не слышу, не понимаю слов, только вижу, как этот наглец шевелит губами.

А ресницы у него вблизи еще красивее – густые, длинные, и радужка глаз цвета темного шоколада вокруг расширенных чернющих зрачков. Нос с едва заметной горбинкой. Идеально выбритое лицо. Глубокие шрамы.

А вот и те самые наглые губы. Он дотрагивается до них кончиками пальцев. Это… сексуально и порождает совсем неприличные картинки.

– Что? – скидываю с себя морок, силой воли возвращая себя на планету Земля, в родной город, любимое кафе.

– Я говорю, мороженое у вас очень вкусное. Надо себе такое же заказать.

– Сливочное с шоколадной крошкой, – срывается с языка быстрее, чем я могу подумать.

– Отлично, я запомнил.

Его пальцы скользят от губ по щеке, задевают рубцы. Взгляд становится жестче.

Мужчина выпрямляется, разворачивается, отходит от меня. Я же растеряно наблюдаю, как он садится на свое место, потеряв ко мне интерес.

С одной стороны, слава богу, что потерял, с другой, обидно – ~~поматросил~~ поцеловал и кинул.

«Лена, Лена, – выговариваю сама себе, пытаясь привести в приближенный к обычному ритм сердца, – ты же почти замужняя женщина, а обижаешься на чудовище, что он отстал от тебя!»

Чудовище между тем складывает руки на груди, приготовившись к продолжению разговора с моей дочерью. А у меня под ребрами раздается бой колоколов на разные лады. Словно сердце размножилось и каждый кусочек зазвенел своей мелодией.

– Помогло? – изменившимся, с нотками льда, голосом спрашивает чудовище у Маринки.

– Неа, – дочь внимательно разглядывает лицо мужчины, хмурит белесые бровки.

– Видишь, не работает твоя версия, – так же хмурится сосед, поглядывая на широкий циферблат далеко не дешевых часов на руке. – Есть еще идеи?

«О нет!»

– Мильен! – оживляется дочь.

Мужик, не слушай ее, беги! У Маринки в запасе точно есть миллион, а то и парочка миллионов идей, которые на ком–то надо поэкспериментировать, а тут такой удачный экземпляр.

– Жаль, прелестное дитя, на исполнение твоего «мильена» у меня нет времени. Пора на работу.

Оставив недоеденный обед, мужчина поднялся.

– Приятно было пообщаться, барышни, – протягивает руку Марине, пожимает ее пальчики. – Спасибо за десерт.

Последнюю фразу чудовище бросил мне. Из его глаз исчезли те озорные искорки, что зажглись в самом начале общения с Мариной. Сейчас в них кроме необъяснимой пустоты и разочарования я ничего не увидела. Надеюсь, он на полном серьезе не поверил пятилетке, что поцелуй сотрет шрамы с его лица?

Мужчина развернулся и направился к кассе. Только сейчас стало заметно, что он слегка прихрамывает. Расплатился за обед и через несколько секунд колокольчик над дверью оповестил всех о том, что чудовище покинул кафе.

Ну вот. Испортили обед человеку. Будет теперь ходить голодный и злой. Нехорошо получилось.

Дочь подбежала к окну. Прилипнув к нему мордочкой, несколько минут смотрела на улицу, а потом разочаровано притопала на свое место и плюхнулась на стул.

– Проводила?

– Угу.

Маришка взяла ложку и, подперев кулачком голову, начала ковыряться в воздушной разноцветной пенке, что осталась от растаявших шариков мороженого. Глядя на ее потухшее личико, ругать и отчитывать свое чадо за неподобающее поведение с незнакомыми людьми мне расхотелось. Она сама расстроилась, что ничего не вышло. И у меня остался неприятный осадок от испорченного обеда незнакомому человеку.

Сидим, молчим, гипнотизируем пиалы.

Дети, взрослые, подростки группками – все вокруг ходят, разговаривают, едят. Музыка негромко играет. Все как всегда в кафе и ничего не напоминает о случившемся инциденте. Только у меня губы до сих пор горят, в голове кисель, да дочь в упадническом настроении.

– Мам, – Марина поднимает на меня синие–синие грустные глазки. – Почему поцелуй не сработал?

– Не знаю, доча, наверное, потому, что мы не в сказке живем, а в реальном мире?

Она упрямо качает головой – не то я говорю, не верит она.

– Знаешь, – выдвигаю еще одну версию, – когда–нибудь этого дяденьку полюбит хорошая девушка, и он для нее будет самым красивым мужчиной на свете, не смотря на все его шрамы.

– И ему не нужно будет превращения? Разве так бывает?

– Бывает. И очень часто.

Маришка надолго задумалась. Талое мороженое стоит нетронутым.

– Заказать тебе еще порцию?

– Не, – машет головой из стороны в сторону, отчего косички подлетают и падают. – Не хочу.

И продолжает смешивать ложечкой две разноцветные пенки растаявшего мороженого.

– Пойдем домой? – невыносимо больше смотреть на страдальческое лицо малышки.

– Пойдем, – вяло отзывается дочка, кладет ложку и тихо выскальзывает из–за стола.

Я тоже расплачиваюсь и через минуту над нашими головами раздается тот же раздражающе–переливчатый колокольчик.

– Прогуляемся пешком? – предлагаю Маринке. Мысленно строю маршрут, который может поднять ~~нам~~ ей настроение.

– Давай.

Беру дочь за руку, идем с ней к пешеходному переходу, чтобы перейти улицу. Шоркая сандалиями, грустная кнопка идет позади меня.

Теплый ветерок играется под ногами с тополиным пухом. Скопления белых пушинок вдоль бордюр всегда приводит в восторг мою кроху. Она зовет его летним снегом и хохочет, когда коварные пушинки залетают в нос, вызывая чих.

Мы прошли уже несколько довольно-таки больших кучек пуха, а дочь молчит. И вообще как будто ничего не замечает вокруг.

– Мариш, смотри сколько голубей. Хочешь, купим булку и покормим их?

– Не хочу.

Что–то я не припомню, чтобы дочь могла так долго быть в упавшем настроении. Обычно ей пяти минут хватает переключиться на новое событие, открытие, выбрать другой предмет для идеи, снова стать привычной непоседой, а тут…

Идет, опустив голову и плечики, только косички с желто–зелеными резиночками на кончиках подпрыгивают в такт шагам. Жалко ее.

Стоим на светофоре, ждем зеленого человечка. Бодро зачитываю стишок, жду, что Маришка присоединится:

Если вспыхнет красный свет,
Значит, перехода нет.
Если желтый – стой и жди.
А зеленый свет – иди.

Маришка молчит, только носом шмыгает.

– Доченька, не плачь.

– А ты меня чем–нибудь заинтересуй, чтобы я не плакала, – бурчит, не поднимая головы.

И я даже знаю, что хочет дочь.

– Собаку не куплю. И кошку тоже. Максимум хомячка.

Загорается зеленый свет, переходим дорогу. Если дочь согласится на хомяка, то надо снова менять маршрут и топать в сторону зоомагазина. Но я надеюсь, что она хомяка не захочет. Ее желание – собака, причем не важно, какой породы, лишь бы была. А куда нам в скромную двушку, где живет три человека, еще и собака?

Едва мы оказываемся на другой стороне от кафе, как слышим рядом шуршание шин и тихий звук мотора – белая иномарочка с тонированными стеклами останавливается на обочине проезжей части.

Дверь открывается и из машины появляется знакомая широкоплечая фигура с зеркальными очками на глазах.

– Девчонки, так что там насчет мильена идей? Обсудим по дороге? Прошу в карету, – и распахивает заднюю дверь авто, приглашая нас внутрь.

Глава 3. Нельзя садиться к незнакомым дяденькам в машину!

– Елена –

– Прошу в карету, – чудовище распахивает заднюю дверь авто, приглашая нас внутрь.

– Мама, идем! – тянет меня к белой иномарке ожившая дочь.

От плохого настроения у ребенка не осталось и следа, а о собаке-кошке-хомяке она мгновенно забыла. И я пока не понимаю хорошо это или плохо.

Каждой клеточкой одеревеневшего тела чувствую, как владелец авто сканирует меня сквозь стекла зеркальных очков. Почему я как назло сегодня забыла свои солнцезащитные очки? Почему сейчас приходится прятать растерянный взгляд, смотря себе под ноги, лишь бы не пялиться на чудовище?

– Марина! Так нельзя! – дергаю ее за руку, чтобы приструнить. – Нельзя садиться к незнакомым дяденькам в машину!

"Особенно к чудовищу, которому ничего не стоит поцеловать незнакомую женщину на виду у всех и свести ее бабочек с ума!"

– Мама Лена, – кряхтит Маринка, рывками дергая меня вперед так, что я вынуждена делать крохотные шажки в сторону белой авто, – мы же с ним только что познакомились в кафе. Ты что, забыла? Или не узнала его? Это же **Чудовище**! Это **с ним** ты целовалась.

Это кто из этих двоих в данный момент чудовище? Этот широкоплечий нахал в зеркальных очках, что стоит возле чистенькой, словно только что из автомойки, кипенно-белой машины, гостеприимно распахнув заднюю дверку, или маленькая девочка, тянущая меня за руку в чужой автомобиль?

– Вообще не я с ним целовалась, а он со мной! – оправдываюсь. Сопротивляюсь напору дочери, как могу. – Он все равно для нас незнакомец! Мы даже не знаем как его зовут.

– Дим Димыч меня зовут, – легко отзывается чудовище.

Оказывается, расстояние между нами быстро сократилось, и теперь нас с чудовищем разделяет чуть меньше метра. Мы оба вторглись в личное пространство друг друга, а выйти из него почему-то я не могу. Он, по всей видимости, тоже не собирается.

И я смотрю прямо перед собой, не находя в себе смелости поднять глаза выше. Взгляд упирается в распахнутый ворот мужской рубашки. Там, на смуглой коже груди соблазнительно кучерявятся черные волоски. Настолько завлекательные, что хочется заглянуть глубже, дальше, еще ниже. И вообще я бы посмотрела на это тело без рубашки. Уверена, там есть что оценить. И потрогать.

Господи, откуда у меня такие пошлые мысли? За доли секунды меня то окатывает жаром, то бросает в жестокий холод. Что это? Температура? Я заболела? После мороженого?

Непроизвольно облизываю пересохшие губы, закусываю нижнюю.

Кадык чудовища дергается вверх-вниз.

Я согласна на хомяка! И на кошку. В конце концов, собак я тоже люблю!

Наши "гляделки только не в глаза" прерывается дерганием рук. Синхронно опускаем головы на Маришку.

– Тебя зовут Дим Димыч? Как в Фиксиках? – округляет глазенки моя девочка.

– Где? – прочистив горло, спрашивает мужчина.

– Ну в Фиксиках, в мультике, там мальчика зовут Дим Димыч. Ты что, не смотрел?

– Неа.

– У-у, – с интонацией, будто Дим Димыч – потерянное для общества звено эволюции, протянула дочь и тут же спохватилась: – А я Марина. А это мама Лена, – и запрыгала обезьянкой вокруг нас моя неугомонная девчонка.

Кто бы мог подумать, что минутой ранее она носом шмыгала?

– Странно сначала целоваться, а потом знакомиться. Елена.

Протягиваю руку мужчине, стараюсь скрыть неловкость. Не удается. В зеркалах, что прячут половину лица этого нахального типа, отчетливо вижу двух одинаковых смущенных девушек.

– Согласен, странно. Дмитрий.

Улыбается уголком губ и пожимает в ответ уже знакомой лапой–ладонью.

В затылке слегка заныло от воспоминаний этой ладони на моей голове. И не только затылок отозвался на прикосновение. Легкие снова с радостью приняли понравившийся им аромат и словно крылья бабочки развернулись под ребрами, с вожделением прося «Еще, еще!».

Чувствую, как краснею который раз за день. Иду на рекорд. Надеюсь, стекла у очков нахала действительно темные и пунцовые щеки мои он не видит.

– Можете звать меня Дим Димычем. Прошу.

Видя мое замешательство, с усмешкой добавляет:

– Будете долго думать, карета превратится в тыкву!

– С чего это вы передумали? – слежу за скачущей Маринкой, держу малышку по привычке в поле зрения. – Как же ваша работа? Прогулять решили?

– Подождет моя работа. Есть дела важнее. Марина, запрыгивай.

Марине дважды повторять не надо. Стрекоза моя обегает нас кругом, запрыгивает на заднее сиденье и скрывается с глаз внутри салона.

– У вас нет детского кресла, – возмущенно шиплю Дим Димычу с последней надеждой в душе отказаться от поездки с наглым незнакомцем. – Это небезопасно. Дочь, вылезай, – приказным тоном обращаюсь к дочери.

– Неа. Мам, я пристегнусь! – раздается из салона.

– Я ее пристегну, – обещает чудовище.

Я не успеваю ахнуть, как вдруг он хватает меня широченными ладонями за талию, поднимает над землей легко, как пушинку, и переставляет на другое место. Сам лезет в машину, сверкая передо мной филейной частью. Красивой надо сказать частью, которой я начинаю любоваться, пока она передо мной светит. Быстро оглядываюсь проверить, не наблюдает ли кто–то за моим нескромным разглядыванием, и снова пялюсь на аппетитные булочки, закусив губу. Интересно, эта задница такая же упругая, как каменные грудные мышцы, о которые я уже имела счастье сегодня отбить ладошку?

– Готово.

Знакомый красивый баритон выводит из неприличных фантазий, и я снова тушуюсь, опуская глаза на свои бежевые туфельки. Надеюсь, Дмитрий не владеет физиогномикой, а то неудобно мне как–то за свои нескромные мысли.

– Теперь вы.

Галантно открывает мне переднюю дверь.

– Я назад, если вы не против. К дочери.

– Вообще я люблю, когда красивые женщины сидят рядом. Но если вы настаиваете, то я уступлю. Один раз.

Красивые женщины? После того, как поцелуй «не сработал», я грешным делом решила, что недостаточно красива.

Этот же тип стоит напротив, лыбится и ждет, когда я сяду вперед.

Красивые женщины…

А ничего, что он сам как бы… не красавец на одну сторону лица? Хотя, судя по тому, что машина у него праворульная, с левого пассажирского сиденья шрамы в глаза не бросаются. И сколько же красивых женщин он катал на своей тачке? Хотя мне какая разница?

Сделав вид, что я пропустила «красивую» мимо ушей, парирую:

– А вы самоуверенны. Считаете, что будет второй раз?

Задрав подбородок, смотрю прямо в глаза зеркальные очки чудовища, но такое ощущение, будто сама со своим отражением разговариваю. Раздвоившимся. И порепанная часть лица мужчины, частично скрытая за стеклами, совсем близко ко мне и не такая страшная на самом деле.

– Не думаю, что "мильен" идей вашей дочери реализуем за одну поездку.

Мне кажется, этот тип сейчас откровенно издевается надо мной. Растянул губы в кособокую улыбочку, а я не нахожу что ответить на это. Закатываю глаза и, демонстративно встряхнув головой, сажусь назад, к дочери.

– Итак, дамы, куда едем? – усевшись за руль, спрашивает нас новый знакомый.

Сто пудов он сейчас смотрит на меня в панорамное зеркало сквозь свои суперские авиаторы.

– Прямо, – радостно визжит Маринка.

Не узнаю своего ребенка! Подменили дочь!

– На Площадь Советов, пожалуйста, к фонтану, – специально называю адрес за квартал до нашего дома. Не хочу, чтобы Дим Димыч знал наш реальный адрес.

– Принято. Пристегнитесь, пожалуйста.

Долго вожусь с ремнем безопасности: расправляю его, ищу защелку, пристегиваюсь, лишь бы не видеть в отражении зеркала водителя. Дмитрий пристегнулся за пару движений и сейчас терпеливо ждет, когда я справлюсь со своим замком. Нервничаю и внутренне ругаю себя за то, что повелась на капризы дочки и этого невыносимого нахала.

– Готово! – звонко оповещает дочка, услышав щелчок. Дмитрий кивает.

Мягко заурчав, автомобиль тронулся с места. Дорога не сильно загружена другими участниками движения, но Дмитрий ведет машину осторожно. Я бы сказала медленно, как начинающий водитель.

Через пару минут езды я успокаиваюсь и расслабленно растекаюсь по спинке комфортного сиденья. Водитель у нас опытный, просто аккуратный.

Непроизвольно делаю глубокие вдохи. Салон автомобиля пропитан тем самым обалденным запахом, что так понравился моим легким. И не только им. Все тело будто пробудилось, расцвело и запело «Кайфуем! Сегодня мы с тобой кайфуем!». В животе снова запорхали бабочки.

Предатели.

Узнать бы, что это за ~~афродизиак~~ туалетная вода, купить Вене. Хотя нет, купить себе и просто иногда «баловать» себя воспоминаниями о сумасшедшем поцелуе с незнакомцем, вспоминать который стыдно, но безумно приятно.

Глава 4. Инструкция к действию

– Елена –

Наша иномарка вырулила на проспект.

Марина максимально оттянула ремень и теперь сидит посередине, держась обеими руками за спинки передних сидений. Крутит головой во все стороны – интересно ей смотреть, что делается за пределами автомобиля. И без того большие глазенки еще больше распахнулись. Привыкла ездить на автобусах, а тут такая красивая машина едет по городу и она сидит в центре как королева.

Я придерживаю кнопку за поясницу, хотя мне совсем не страшно за дочь. Дмитрий едет медленно, без рывков и обгонов. Веня, любитель быстрой езды и ненавистник улиток, путающихся под колесами его лексуса, за такую скорость, как у Дмитрия, проклял бы водителя. А мне комфортно от такой поездки.

– Итак, девчонки, – подает голос водитель, пристроившись в неторопливый правый ряд. – Какой у нас план действий? Как делаем из чудовища прекрасного принца?

Вопрос, конечно, относится к нам обеим, но я предпочитаю ~~продолжать кайфовать~~ промолчать. Маринка всю эту кашу заварила, пусть и расхлебывает, я в сторонке постою.

– Для начала нам нужна информация обо всех существующих чудовищах, – с важным видом заявляет дочь.

– И где же нам взять эту информацию? – наиграно удивляется Дим Димыч.

– Как где? В книжках.

– В научной литературе? Исторической? Фантастической?

Я хмыкаю. Закатив глаза, качаю головой. Тоже мне умник нашелся. Моя дочь не настолько взрослая, чтобы знать все эти термины, а он разговаривает с ней на равных.

– В сказочной.

– Э-э, не понял…

– Ты что, сказки не читаешь? – возмущается Маринка.

В ее понимание не укладывается, почему многие люди не читают сказки, ведь в них есть инструкции к действию на все случаи жизни.

– Давно читал. Забыл. Марина, скажи, пожалуйста, какую сказку мне надо прочитать для начала, чтобы превратиться в красавца? А, я знаю! «Златовласку» или «Золушку». Угадал?

– О боже, – театрально закатив глаза, дочка звонко шлепнула ладошкой по лицу. – С тобой работать и работать. В «Златовласке» и «Золушке» нет чудовищ, – поучительным тоном важно донесла до Дмитрия моя коза. – Там сразу прекрасный принц был.

– Мда-а, косяк. Что ж, я готов. Работай… – и добавляет: – те.

Намек на меня? Мне тоже участвовать в этом сговоре?

– О нет, только меня в свои делишки не впутывайте, – подаю голос, пока эти двое не договорились до чего–то глобального.

– Дим Димыч, все очень просто! Надо, чтобы тебя полюбила красивая девушка, поцеловала и тогда ее поцелуй сработает!

Вот черт, это была моя версия! А Маринка ее теперь втюхивает этому нахалу!

Смотрю красноречиво на свою беззаботную дочь. Посылаю мысленно свое возмущение ей в макушечку, но той хоть бы хны, даже не оборачивается на меня.

Надеюсь, Дмитрий посмеется над ее словами, довезет нас до площади, и больше мы с ним не пересечемся. А то какое–то странное впечатление он на ~~меня~~ нас с дочерью производит.

Нездоровое.

Притягательное.

– Действительно, просто, – Дмитрий поворачивает голову в сторону, очевидно, осматривая перекресток, и я вижу его кривую ухмылку. – Осталось найти красивую девушку, которая меня полюбит. А книжки тогда зачем читать и собирать информацию о чудовищах?

– Чтобы узнать, где живут такие девушки, которые смогут полюбить чудовище. То есть тебя.

– Надеюсь, в этом вопросе наши с Мариной советы вам не нужны? – встреваю в разговор ребенка и взрослого мужика, готового плясать под дудку моей малышки. – Дмитрий, вы же наверняка знаете, где живут красавицы?

Прям счастлива, что не вижу глаза нашего знакомого. Специально, наверное, за очками-авиаторами их спрятал. Еще и выражение его лица не могу увидеть в зеркале. Не думаю, что оно мне понравится.

– Боюсь, те красавицы живым не отпустят. И главное, чтобы от **ваших** девушек потом отбиваться не пришлось, – бурчит себе под нос Дмитрий. – Читать-то мне что?

– О чудовищах и читайте, – парирую ему в ответ.

– Да-да, – подхватывает Марина. – «Красавица и чудовище» – то, что тебе нужно. У нас книга есть, правда, мама? – егоза поворачивается ко мне. – Мы же дадим Дим Димычу почитать?

И глазки щенячьи мне строит.

"Нет! Нет и нет!"

– Я найду, не волнуйся, Марина, – спасает меня Дмитрий.

«Спасибочки», – язвит мой внутренний голос.

– Мам, ну обернись!

Маришка дергает меня за руку.

– Не хочу.

– Обернись. Дим Димыч сейчас уедет!

– Мы уже с ним попрощались.

– Но ты же всегда утром оборачиваешься и машешь мне ручкой, когда в садике меня оставляешь.

Дочь оборачивается сама и машет ладошкой новому знакомому. С трудом держусь, чтобы, как в той песне, не оглянуться тоже, посмотреть, не смотрит ли Дмитрий. Но я и так знаю – смотрит. Спину прожигает, аж мурашки по позвоночнику бегут и затылок жжет. Машинально задираю подбородок. Походка ровная, главное не споткнуться.

Вот уж действительно – чудовище. Наглый, самоуверенный, дерзкий. И черт возьми, очень сексуальный не смотря на уродство в половину лица и легкую хромоту. Интересно, что с ним случилось?

Едва вспомнив чужие жесткие губы, что накрыли мои, и язык, который самовольно ворвался в меня, как в ногах появилась предательская слабость. Ух. Вот это поцелуй! Ни разу ничего подобного не испытывала. Даже с Веней не то и не так.

Мысленно приказываю утихомириться рою неугомонных сладостных бабочек в животе. Стараюсь отвлечься от волнительного трепета в районе солнечного сплетения на поучительную лекцию.

– Мариш, знаешь, некрасиво получилось, что мы Дим Димыча чудовищем назвали. Он мог обидеться.

– Но Дим Димыч же не обиделся.

– Значит, он хорошо воспитан, поэтому просто не подал вида, что ему обидно. Но внутренне, наверное, он очень переживает, что такой страшный.

– А я его совсем не боюсь… – беспечно хвастается и снова оглядывается. – Ну все, уехал, – разочаровано тянет дочка.

Оборачиваюсь тоже. Машины Дмитрия действительно нет. Чувствую облегчение. Все-таки целоваться и заглядываться на постороннего мужчину, имея жениха, это неправильно. Почти как измена. Если узнает Веня…

– Мариш, давай мы никому не будем рассказывать, что познакомились с Дим Димычем?

– Даже бабуле?

– И бабуле тоже.

– У-у, а почему?

А как объяснить, что образцовая (до сегодняшнего дня я считала себя образцовой) мать, член родительского комитета в детсадовской группе дочери, ассистент кафедры иностранных языков престижного института Елена Владимировна Семиранова целуется с незнакомцем на глазах как минимум двух десятков людей в лучшем кафе города? Надеюсь, никто видео не снимал?

– Пусть это будет нашей маленькой тайной, ладно? Секретик, о котором никому нельзя говорить.

– У нас с тобой будет тайное общество, о котором никто не должен знать?

– Точно! Тайное общество!

– Круто! А можно мы возьмем в наше тайное общество Сеньку?

– Неа.

– А Павлика?

– Не-ет, – смеюсь.

– А почему?

– Потому что в нашем тайном обществе только два человека – ты и я.

Маришка на несколько секунд задумывается.

– А мы можем с Сенькой и Павликом сделать свое тайное общество?

– Конечно, можете. Только у вас будут свои собственные секретики, о которых никто не должен знать. И даже я.

– Естественно, – важно заключает дочь. Принцип она поняла.

Чувствую, идея с тайным обществом захватила мою дочь с головой. Всю оставшуюся дорогу до дома она задумчива. Наверняка разрабатывает стратегию по созданию тайных обществ. Не удивлюсь, если завтра весь детский сад будет разделен на многочисленные тайные ячейки.

Мы подходим к нашему дому, когда Марина снова сыпет вопросами, от которых я, мягко говоря, опять теряюсь:

– Ма-ам, а Дим Димычу можно рассказать о нашем тайном обществе? Секретик же о нем?

– Не знаю. Наверное можно.

– Ух ты! Давай ему позвоним? Прямо сейчас!

– Мариш, у меня нет его номера.

– А как же… а почему…

Настроение дочки внезапно меняется. Вот-вот заплачет моя кнопка. Останавливается на ступеньке у нашего подъезда, вырывает ручонку из моей.

– Мы же договорились найти ему красавицу, – хлопает на меня ресничками с немым укором в мокрых глазах.

Ох уж эти эмоциональные качели! Тридцать три раза за день, а еще солнце не село.

Присаживаюсь перед Мариной на корточки, поправляю цветные резиночки на кончиках пшеничных косичек.

– Я думаю, теперь Дим Димыч справится без нас. Ты же подсказала ему, какие книжки он должен прочитать.

– Ну ма-ам… – губешки дрожат.

– Не волнуйся, солнышко, если у него не получится, то он наверняка найдет способ связаться с нами, чтобы спросить совета.

– Правда?

– Честное мамино слово!

Глава 5. Не удержался от соблазна

– Дмитрий -

Высаживаю блондинок у фонтана на площади. Какое-то время вижу их удаляющиеся фигуры в боковом зеркале.

Девочка держит за руку мамашу и вприпрыжку скачет возле нее. Напоминает шаловливого маленького козленка как у матери в деревне. Смешная. Косички подпрыгивают за спиной.

Черт его знает, почему я, отъехав от кафе, развернулся на первом же перекрестке обратно. Наверное, жалко стало девочку – такое разочарование в ее глазах было, когда уходил… И у мамы ее тоже. Я заметил.

Хорошо, что вернулся. Блондинки переходили улицу, когда я их увидел. Чуть-чуть не разминулись. Девочка чуть ли не плакала, Елена, расстроенная, шла с ней рядом. А тут я со своей каретой. Зато настроение у всех опять хорошее.

Прокручиваю нашу встречу с самого начала.

– Дядя, ты чудовище?

Я чуть не подавился.

«Мне страшно» – было. «Он ужасен» – было. Крики, плач детей, шепотки взрослых – были и до сих пор есть, уже внимания не обращаю. А вот чудовища еще не было.

Оригинально я пообедал.

А девчонка настырная. Руки в бока уперла, стоит напротив, изучает, уходить не собирается. Косички и те, кажется, в боевой готовности находятся, чтобы поддержать хозяйку.

– Ты на себя в зеркало смотрел?

А как же. Ежедневно «любуюсь». Свет мой зеркальце несколько долгих месяцев показывает одну и ту же картинку.

– Страшно было?

Впервые от такой реакции на мою внешность я ржу, но внешне, как могу, держу лицо. Девчонка, судя по всему, пока ответа не дождется, не отвяжется. А мне уже интересно, во что выльется наш разговор, поэтому одним взмахом руки останавливаю ее мамашу, чтобы не мешала нам с девочкой общаться.

– Немного.

– Ты не переживай. Это только поначалу ты страшный. А если приглядеться – то вполне себе ничего мужик.

Вот это заявление. Что-то похожее мне и Алиска говорила, только я ее не слушал. А тут малявка. Прямолинейная. Искренняя. А устами младенца, как говорится…

– Тебя должна поцеловать красавица!

Так у меня уже есть красавица. Или одной недостаточно?

Марина, так оказывается девочку зовут, уверена в своих словах. Ее уверенность передается мне, и я думаю – почему бы нет? А вдруг прокатит? Тем более тут неплохая кандидатура сидит за соседним столиком. Увеличенная копия малышки. Такая же симпатичная блондинка с синими как небо глазами. Растерянная и с пунцовыми щеками из-за выходки своего чада.

И как удержаться от соблазна, если малявка прямым текстом говорит – целуй мать? Во мне проснулся мальчишеский азарт и, не долго думая, я сделал это.

…

Сто лет так ни с кем не целовался, даже с Юлькой. Хотел чуть-чуть, по-быстренькому, а тормоз заклинило.

Какая же девушка вкусная. Еле от губ ее оторвался. Как еще пощечину не отхватил за наглость – непонятно. Одно объяснение – сначала ей понравилось, а потом поздно было.

Улыбаюсь сам себе, вспомнив, как Елена цеплялась за меня во время поцелуя. Как забавно таращила на меня синеву свою после. Как махала кистью руки после шлепка по груди и что-то говорила про сливочное мороженое с шоколадной крошкой.

А потом мои пальцы прошлись по шрамам и меня торкнуло. Куда я, урод, полез? Что творю?..

И все же.

Елена, когда мы рядом возле машины стояли, не смела посмотреть мне в глаза, зато заглядывала в расстегнутый ворот рубашки. Краснела, смущалась, частила с дыханием. Видел – не от страха сие действие с ней происходило. Завелась она. И ведь не пугало ее мое уродство! Спасибо авиаторам, я мог пялиться на девушку без зазрения совести и читать ее эмоции. А заодно любоваться, провоцировать, соблазнять. И у самого тахикардия чуть грудь не порвала, когда Лена губки свои облизнула. Красивые, полные, бантиком. О черт, аж кровь снова закипела!

Мелкая у нее огонь!

«Дим Димыч, все очень просто! Надо, чтобы тебя полюбила красивая девушка, и тогда ее поцелуй сработает!»

Наивная малышка верит в чудо. Но логика в ее словах тоже есть. И сам собой напрашивается вывод – Юлька, красавица моя, невеста, меня не любит? Поцелуев сторонится, секс только ночью, в кромешной темноте и то в последнее время редко. На люди вместе выйти – тысяча и одна причина почему не может… И вообще морду воротит королевишна моя.

Мда-а. Есть над чем задуматься.

С Юли снова переключаюсь на Елену. Она не замужем, это факт. И дело не в отсутствии обручального колечка. Скорее во взгляде, манере общения. Дочка ее ни разу не заикнулась об отце. Хотя возможно просто не о том говорили.

Марина обернулась, помахала мне ладошкой. Разжимаю руль, выпрямляю пальцы в ответ, только девочка этого не видит – я в машине, она далеко.

Мамаша обернется?

Нет. Удаляется вон спешно, будто сбежать хочет, а походка все равно горделивая. Царица.

Идет ровно, высоко голову задрав. Чувствует, что я не уехал, смотрю им вслед. Ишь какая.

Красивая. С характером.

Глаза синие-синие как небо, брови дугой, личико круглое. А губы… Снова касаюсь своих губ подушечками пальцев. Горячий поцелуй у нас вышел, сладкий. Елене тоже понравилось. Видел это по затуманенному взору, учащенному дыханию. При других обстоятельствах на плечо бы ее, да домой, смаковать ее губы еще и еще. И не только губы…

А дома невеста.

Так, ладно. Мило пообщался с девчонками, подвез, разошлись. Все.

Трогаюсь с места, когда блондинки скрываются из виду, смешиваясь с толпой. Выруливаю на автостраду, еду на работу – еще три часа до конца рабочего дня, а там меня ждет моя куча*.

—

* Куча – из кинофильма "Служебный роман"

– Меня ждет куча дел.

– Подождет ваша куча")))

Не отпускает меня. Прокручиваю в голове знакомство с девчонками. Две блондинки зараз, конечно, перебор. Но они обе такие забавные, а мелкая еще и наивная, словно сама из сказки только что в реальный мир попала.

Чудовище? Пусть буду чудовищем, я не против.

Сказки? Согласен на сказки.

Надо почитать «Красавицу и чудовище» как обещал, а еще посмотреть Фиксиков. Чисто из любопытства выяснить, что там за перец Дим Димыч.

Отъехал прилично от фонтана, а мысли все равно крутятся вокруг Елены. Вот на кой я поцеловал маму маленькой девочки? Теперь хочется еще и еще. Сливочный вкус мороженого до сих пор на языке ощущается. Вкусно. И тот поплывший после поцелуя взгляд огромных бездонных глаз не стирается из памяти. Наоборот, хочется заполнить им мозг до отвала… Настолько, чтобы отпустило необъяснимое чувство эйфории, что возникло после поцелуя. Как у девственника в первый раз, честное слово.

С силой сжимаю руль, а ощущения не витой оплетки под кожей, а тонкой талии блондинки. Легкая она, как пушинка. Поднял, не напрягаясь.

Надо было хоть номер телефона у Елены взять. Сам же подписался на «мильен идей» ее маленькой девочки, а как исполнять их? Ни адреса, ни фамилии. А вдруг мне консультация малышки потребуется?

Вернуться к фонтану? Время упущено, не найду я их там. Хотя…

Есть одна зацепка.

Сворачиваю к тому кафе, где обедал сегодня впервые. Паркуюсь, иду пружинистой походкой внутрь. Колокольчик над дверью оповещает всех о новом прибывшем, привлекает внимание. Привычно не реагирую на восклицания малышей и шушукания всех остальных.

– Здравствуйте еще раз, – здороваюсь с уже знакомой девушкой за стойкой с бейджиком на груди «Оксана».

– Добрый день, – она приветливо улыбается и тут же опускает взгляд, увидев мою «красоту» на лице. Вижу, узнала. Натренированная улыбка остается, а вот глазки прячет и ручками под стойкой что-то перебирает – волнуется. – Чего желаете?

– Оксана, вы же видели девушку, блондинку с дочкой, – показываю ладонью размер девочки от пола, – с которыми я сегодня здесь общался? Косички у нее еще такие, – обрисовываю как могу.

– Д-да, – девушка бросает заинтересованный взгляд и снова скрывает глазки под длинными нарощенными ресницами.

– Скажите, они часто здесь бывают?

– Часто.

Оксана улыбается шире. Справляется с волнением и поднимает глаза до уровня верней пуговицы на моей рубашке. Ну, почти прямой контакт. Зачет.

– Они наше кафе выбрали, потому что у нас самое вкусное мороженое в городе, – гордо хвастается.

– Охотно верю. А конкретнее – в какие дни они сюда приходят, какое время?

– В субботу в 12 дня обязательно – это у них ритуал, иногда по будням заходят, чаще всего вечером, когда девочку из детского сада забирают.

– Отлично. Спасибо большое.

Собираюсь уходить, но снова возвращаюсь.

– Можно у вас ручку попросить и листок бумаги?

– Да, одну минуту.

Оксана отрывает листок от блока, подает его мне вместе с авторучкой. Быстро черкаю на нем номер телефона и имя.

– Передайте девушке, пожалуйста, когда она снова придет, скажите, что я просил позвонить.

– Хорошо, передам, – улыбка становится шире.

Листок прячется под стойкой. Думаю, Оксана найдет слова описать, кто именно передал Елене номерок. Главное, чтобы не забыла и номер попал в нужные руки.

– Мороженое у вас есть сливочное с шоколадной крошкой. Можно мне с собой?

– Конечно!

Расплачиваюсь крупной купюрой, оставляю сдачу девушке на чай. Забираю ведерко мороженого и, наконец, еду на работу.

Что ж, ждем звонка или, на крайняк, субботы. Надеюсь, планы у блондинок на выходные не поменяются.

…

– Опаздываете, Дмитрий Дмитриевич?

Еду в одном лифте с гендиром. Он на пару сантиметров выше меня ростом, шире в плечах и старше на пять лет. А еще он стрижется под ноль и в редкие моменты гнева похож на киллера, поэтому подчиненные побаиваются шефа и стараются не косячить.

Однажды Серега Маслов, коллега из IT-службы, признался, что когда шеф на него орал за косяк, ему казалось, что тот вот-вот выхватит из-за пазухи пистолет и просто-напросто расстреляет его. Не расстрелял. Или патроны кончились, или пистолета не было.

Но я с шефом солидарен: нечего внутренние документы выкладывать в общий доступ только потому, что им случайно не поставили плашку «коммерческая тайна». Тут как в больнице: надпись «Смотри, что берешь» должна автоматически в голове рождаться, едва тебе папку для архива передали. Так что Серега еще легко отделался.

Однако текучки кадров у нас нет, потому что зарплатой и остальными плюшками здесь народ не обижают. Но и спрос с каждого будь здоров, в том числе и за отсутствие на рабочем месте в рабочее время.

– Задерживаюсь, Олег Дмитриевич.

– Надеюсь, по уважительной причине? А то дисциплина – вещь такая, дашь слабину и все, компания затрещит по швам.

Причина уважительная. Спасали одно чудовище – искали средство превращения его в прекрасного принца. Но старшему брату я это не озвучиваю, кидаю короткое:

– Угу. Отработаю.

Брат у меня биг-босс, а я работаю у него замруком отдела сопровождения клиентов. После долгого отсутствия вхожу в курс дела фирмы, изучаю ту кухню, что Олег расширил и размножил, пока я валялся на больничной койке. Изменений столько, что работаю день и ночь, а изучать еще дофига.

– Не надумал ко мне в помощники? Свободный график будет.

– Рано еще. Опыта мало, сам видишь.

– Так рядом быстрее заматереешь.

– Я подумаю.

Олег в нашей семье всегда был серьезным и рассудительным. Бизнес с нуля ему дался легко, быстро набрал обороты. Кадры брат подобрал надежные, есть на кого положиться и с кого спросить.

А вот на личном фронте у него засада – первый брак распался, когда его дочке, Алиске, четыре года исполнилось, второй брак трещит по швам, потому что у Ники гормоны на фоне первой беременности и маниакальная идея, что у Олега несколько любовниц. Брат, конечно, не святой, но самая значимая в его жизни любовница – эта компания. И тянет она из него все жилы днем и ночью. Еще и бывшая жена периодически напоминает о себе, кровь портит.

На фирме никто не знает о наших с Олегом родственных отношениях. Я сам попросил, чтобы не афишировали – так с коллегами проще общаться. Внешне мы братом не особо похожи, а насчет фамилии и отчества – говорю, что совпадение. Мало ли Дмитриевичей Кудрявцевых? В общем, играем на публику.

– Что это у тебя? – брат кивает на ведерко в моих руках.

– Мороженое купил. Сливочное с шоколадной крошкой.

– Как интересно. Не припомню, чтобы ты был фанатом мороженого. Или ты кого угощать собрался?

– Холодильник. В машине, боюсь, растает.

– М-м, как банально. Я уж думал, кого присмотрел себе в любовницы, подкатить решил.

Я закатываю глаза:

– Хоть я и шалопай в нашей семье, но не ловелас, в отличие от тебя, братец. Как тебе еще Ника причиндалы не оторвала, удивительно.

Хмыкает:

– Пригодятся еще.

– Хочешь угощу?

– Не, я пас. Форма.

Брат расправил плечи. Мышцы на груди и плечах забугрились, натягивая рубашку. Чуть-чуть ткань затрещала.

– Оу-оу, аккуратнее, а то порвешь рубашку, что о нас с тобой люди подумают? Вышли из лифта два брутальных мужика – один с мороженым, другой в порванной рубашке.

– Крах нашей с тобой репутации, запишут в ряды сексуальных меньшинств.

Ржем в голос. Лифт как раз остановился на нашем этаже. Мы выходим, но расходиться в разные стороны не спешим. Олег принимает серьезное выражение лица. Конспирация, мать ее.

– Как сам? Как Юлька?

– Нормально.

– Свадьба скоро?

А вот это с недавних пор интересный вопрос. Юлькино «отложим регистрацию, пока не восстановишься» как-то подзатянулось.

– Не обсуждали еще.

– Болит? – Олег сочувствующе кивает на ногу.

– Уже нет. Ноет только, но я почти не замечаю.

– Кстати, если хочешь, могу связи подключить, хирурга хорошего найдем, мордень тебе поправим, будешь лучше прежнего. Глядишь, лет на пять помолодеешь.

– Пока не надо. Побуду еще чудовищем.

Брат изгибает брови в вопросе.

– Девочка одна маленькая сегодня меня чудовищем назвала, – поясняю свою фразу.

– О как. Ну-у, в принципе не удивительно, похож, – пляшут озорные чертики в глазах. – Смотри сам. Но если надумаешь – только скажи.

– Скажу.

Мы расходимся по рабочим местам. Дел столько, что снова трудиться придется до самой ночи.

Глава 6. На свидание

– Елена -

К тому времени, как мы приходим домой, Маришка успокаивается и вроде бы забывает о чудовище. Не замолкая ни на секунду, рассказывает бабуле, как я ее забрала во время тихого часа из детского сада, пока все спали. Кроме воспитателя естественно.

– Представляешь, – трещит моя малышка, – все проснулись, а меня нет! Начали искать, спрашивать: где Марина Семиранова? где Марина Семиранова? – пожимает плечиками и разводит руками в стороны. – А Марина-то ис-чез-ла!

По кухне разливается задорный смех бабули и Маринки.

– Лена, ты зачем Маришку так рано забрала? Теперь дети волноваться будут, что не нашли ее.

– А мы ходили в кафе. И там…, – загадочно вращает глазами моя кнопка.

– На собеседование ходила, а компания недалеко от садика, – перебиваю дочку за секунду до того, как она собирается выпалить наш секрет. Наверняка моя непоседа забыла об уговоре.

Едва бабуля отворачивается, как я делаю большие глаза дочке и грожу пальчиком. Маринка хихикает и зажимает рот двумя руками – вспомнила тайну нашего общества.

– А-а. Ну и как собеседование? – мама не заметила наши с дочерью переглядки.

– Компания не понравилась мне, а я компании. Услышала очередное дежурное «Мы вам позвоним», решила не ждать вечера, забрала Марину пораньше.

«И сделать внеплановый поход в наше любимое кафе. И дочке сюрприз и мне настроение на весь день. Но что-то пошло не так…».

Остаток дня тело мое в раздрае и совсем не дружит с головой. Мысли в ней хаотичные и все о Дим Димыче. Он не чудовище. Он колдун какой-то. Уже несколько раз ловила себя на том, что замираю посреди комнаты, забыв зачем и куда шла. Мама начала подозрительно коситься и даже разок лоб потрогала – нет ли у меня температуры.

Ближе к вечеру меня отпустило. Дим Димыч начал активно вытесняться Вениамином и предстоящим свиданием с ним. Веня пригласил в ресторан.

Я улыбаюсь, слыша, как звонко хохочут на кухне мои любимые мама и дочь. Они решили постряпать булочки и теперь обе, измазанные в муке, раскатывают тесто. Весело им. Представляю, что к их смеху добавится мужской. Вениамина. Будет ли он также любить мою дочь, как я? Сможет ли стать ей пусть не отцом, но хотя бы другом?

Готовлюсь к свиданию. Выбираю наряд, прикидываю перед зеркалом то одно платье на плечиках, то другое.

– Мам, а ты куда на ночь глядя? – вбегает в нашу с ней комнату дочка. Мука на щеках, подбородке и даже на кончиках косичек.

– На свидание, – шепчу ей таинственным голосом.

– С чудовищем? – загораются глазенки у малышки.

Вот же ж Роза Сябитова в миниатюре… Прикладываю палец к губам:

– Секрет!

– Ага-ага, – шепчет понимающе дочка.

Вслед за внучкой мама появляется в комнате. И тоже щеки в муке. Ой, кулемы мои.

– Что еще за чудовище?

От мамы ничего не утаить – все услышит из любого уголка нашей небольшой двушки.

– Это секрет тайного общества, – важно отвечает Маришка и сбегает на кухню, оставив меня наедине с бабулей. Через минуту до нас доносятся громкие звуки – дочка как специально горланит:

А кто такие Фиксики –

Большой, большой секрет!

Как тут забыть Дим Димыча?

– Что за тайное общество, секреты, чудовища? – вздергивает брови мама.

– Не обращай внимания, это мы играем, – прячу зардевшееся лицо, активно перебирая наряды в шкафу. – Накрутили булки уже?

– Накрутили, "дышат". А куда ты на ночь глядя? – тем же тоном, что и Марина, спрашивает маман.

Чувствую себя несовершеннолетней девицей, над которой ведется тотальный контроль.

– У меня свидание с Вениамином, – и ей, как Маришке, шепчу таинственным голосом.

– А-а, с тем самым, от которого тебе цветы приносят?

– Да. С тем самым.

Мама усаживается на пуфик – приготовилась слушать и давать советы.

– Ты так и не рассказала, что за человек твой Веня.

– Веня как Веня, обычный, – пожимаю плечами, – 30 лет, был женат, но уже развелся. Детей нет.

– Точно развелся? Паспорт показывал?

– Показывал, мам, – смеюсь.

– Хоть бы пригласила его к нам, познакомила.

– Он заедет сегодня за мной. Предложу зайти. Если не испугается, то познакомитесь.

– Расскажи хоть, где ты его нашла. Жуть как интересно, – мама подпирает голову кулачком. Ох и любопытная-я. Как Машка и Ксюшка – подружки мои.

– Познакомились мы с Вениамином, – вытаскиваю из шкафа другое платье, – в банке. Он там работает.

– А что ты делала в банке? Опять ипотеку хотела оформить?

– Хотела, мамуль. Девчонки на работе сказали, что там процент ниже.

– Леночка, ты опять за свое? Зачем тебе эта кабала на всю жизнь? Разве так нам плохо? Вот это тебе очень идет, – мама одобряет зеленое платье.

– Мам, нам очень замечательно втроем, но ты пойми, – кручусь с зеленым, критически оглядывая себя со всех сторон. – Маришка быстро растет, а у нас с ней одна комната на двоих и кровать в два яруса. Ей скоро в школу, подружек приводить, а у нее отдельной комнаты нет. А если у тебя появится поклонник, куда ты его приведешь?

– Появится – к нему уйду жить, только откуда он появится-то? Мне и не надо, на пенсию скоро.

– Ну какая пенсия, мам, в твои сорок семь?

Бросаю платье, присаживаюсь рядом с мамой на кровать, обнимаю ее за плечи. Мама у меня красивая, выглядит молодо и тоже блондинка. С тех пор, как с отцом развелись, замуж так и не вышла, несмотря на неплохие кандидатуры, посягающие на ее руку и внимание. Но мамино сердце молчало, а всю любовь и заботу она отдала мне и Маришке.

– Ты у меня красавица, – поправляю ей белокурые прядки, – выглядишь на тридцать пять. Да тебе все подружки завидуют и соседки шушукаются. Скоро скажут, что ты ведьма и молодильные яблоки ешь.

– Ага, на балконе выращиваю. Это генетика у нас хорошая. По материнской линии передается.

– А помнишь, как мы с Маришкой ходили в поликлинику за справками, и каждый врач спрашивал кто из нас мама?

– Да помню, я. Меня до сих пор в магазинах мамашей называют. Маринка привыкнет и тоже мамой станет называть. Ой, что-то мы отвлеклись. Мы же о тебе говорим. Что там у тебя с банкиром?

– Ну вот, – снова иду к зеркалу, прикидываю платье. – Вениамин консультировал меня насчет кредита. Я, конечно, поняла, что пока не потяну ипотеку, взяла время подумать. А с Веней с тех пор начали общаться, встречались несколько раз. И кажется, у него серьезные намерения.

– Во-от, если у него серьезные намерения, то зачем тебе ипотека и другая работа? Пойдешь к мужу жить, он тебя обеспечит, чай, банкиры не бедствуют.

– Затем, что хочу стабильности и самостоятельности. А зависеть от мужа так себе идея. Маришка быстро вырастет, пусть у нее будет свое жилье. Да и копейки в институте надоело получать, а преподавательских часов на следующий год опять не досталось. Пока лето, отпуск, попробую найти что-нибудь стоящее. Нет – вернусь осенью в институт.

– Веня про Маринку знает?

– Знает, только не видел еще. Ой, время! – спохватываюсь, глянув на часы. – Сейчас Веня приедет, а я не готова.

Не успеваю договорить, как раздается телефонный звонок. Легок на помине.

– Алло!

– Лена, солнышко, я подъехал.

– Веня, мне нужно еще десять минут. Если хочешь, поднимайся, подожди здесь. Заодно познакомишься с мамой и Мариной.

Интересно, поднимется или струсит и отмажется?

– Говори номер квартиры.

– Двадцать пятая.

– Иду.

– Мамуль, – строю умоляющие глазки маме, – откроешь? Я в ванную по-быстрому.

– Беги уже, егоза, встретим мы с Маришкой твоего банкира.

– Спасибо, мам, – целую в щечку, подхватываю одобренное платье. – Не спугните жениха!

Запоздало с досадой думаю, что, наверное, я поторопилась со знакомством Вени с родными. Мама-то ладно, а вот Маришке я о нем не говорила. Надо было рассказать, подготовить к появлению в моей жизни мужчины. Как-то она отреагирует на него?

...

В один из самых престижных ресторанов города я вхожу робея. Никогда не была в подобных заведениях и сейчас жутко волнуюсь, что не соответствую статусу здешних завсегдатаев. Одно успокаивает – поддержка уверенного в себе Вениамина, его теплая рука у меня между лопатками с шаловливо бегающими пальчиками по открытой спине и обаятельная улыбка, на которую я отвечаю, чуть смущаясь.

Веня великолепен в классическом черном костюме от Hugo Boss, в галстуке, блестящих туфлях. Я в босоножках, обтягивающих ножки двумя тонкими ремешками, в вечернем платье глубокого зеленого цвета, наглухо закрытого спереди, зато с обнаженной спиной. И судя по горящему взгляду моего мужчины, ему безумно нравится мой наряд, а отсутствие лифчика будоражит и волнует мужскую фантазию.

В ресторане негромко играет легкая музыка, позволяя гостям разговаривать, не повышая голоса. Столиков много и только три из них не заняты. К одному из них, круглому, у окна, нас провожает администратор. Сосредоточившись на собственных ощущениях рядом со своим молодым человеком, уверенно шествую до нашего места под оценивающие взгляды

присутствующих. Вениамин сам галантно отодвигает для меня стул, и аккуратно придвигает его, когда я присаживаюсь. Намеренно чуть задерживается около меня. Слегка сжимает плечи пальчиками, вызывая рой мурашек на коже, и, наклонившись, произносит над ухом:

– Чудо как хороша!

Я в который раз за вечер вдыхаю запах его одеколона, но желанного эффекта почему-то не получаю. Вкусно, но не то. А хочется закрыть глаза и втягивать носом обалденный парфюм, от которого кружится голова и резвятся бабочки…

Тот поцелуй, что Веня урвал сегодня на пороге моего дома, почему-то не разбудил во мне крылатых насекомых…

Вениамин садится напротив и отводит от меня взгляд, только когда официант приносит меню и спрашивает, не желаем ли мы выпить.

– Шампанского, самого лучшего, – отдает распоряжение мой спутник.

Официант кивает и удаляется выполнять заказ.

– Веня, – наклоняюсь вперед, поближе к Вениамину, – здесь же, наверное, безумно дорого. Мы могли бы поужинать у меня дома.

«А там Марина и моя мама устроили бы нам бесплатное цирковое представление. Цыгане нервно курили бы в сторонке».

– Леночка, я сделал ошибку, что раньше не приглашал тебя в подобные заведения. Поверь, пару раз поужинав вот так, ты привыкнешь и сама будешь просить «выгуливать тебя в люди».

«Я не собака, чтобы меня выгуливать» – чуть не ляпаю, но прикусываю язычок.

– Сомневаюсь, – говорю вместо этого. – Думаю, что тратить баснословные деньги можно на более полезные дела, чем на блюдо от шефа размером с пуговицу.

Как раз в этот момент официант со словами «Ваш паштет аля что-то там неразборчивое» принес мужчине за соседним столиком большое плоское блюдо с ма-аленькой кучкой какой-то массы в середине, по цвету похожей на детскую неожиданность. Мою фразу о пуговице скорее всего любитель паштета услышал, потому что поднял на меня укоризненный взгляд, и я тут же скрылась за книжкой-меню, попытавшись сконцентрировать внимание на буквах.

Язык мой – враг мой.

Почему-то не получается читать меню. Такое ощущение, что какой-то супермен взглядом-лазером прожигает картонную книжку в моих руках. Опускаю ее чуть ниже и сталкиваюсь с пристальным взглядом моего мужчины.

Вениамин в свои тридцать лет вид имеет солидный – работа в банке обязывает держать планку. За плечами у него неудачный брак, причину расторжения которого мужчина не озвучивает. Эта скрытность немного настораживает и строит некий барьер в наших отношениях. Не могу полностью расслабиться в его присутствии.

Снова утыкаюсь в меню. Все расплывается перед глазами. Не выдерживаю, смотрю поверх книжки на Вениамина.

Он симпатичный – модная стрижка, аккуратная бородка, глаза коричневые с зеленью. Губы тонкие.

Задерживаю свой взгляд на них и вспоминаю поцелуй с чудовищем. Как потерялась от его напора, как уплыла от нахлынувшего желания, как заходилось сердце от его низкого голоса. И это его «потрясающе» – он почувствовал, какое впечатление на меня произвел. Головокружительное. И губы у него полные, чувственные, красивые. Надо забыть. Забыть! Но как? Воспоминания еще так свежи…

– Лена?

Выныриваю из воспоминаний. Дышу глубоко, словно снова только что целовалась с Дмитрием. О нет! Веня еще решит, что я о нем фантазирую.

Поздно. Уже решил.

Поставил локти на стол, подпер голову сцепленными в замок руками и смотрит на меня, не отрываясь, ~~с восхищенным блеском в глазах~~ как на какую-то диковинку.

– Веня, ты меня смущаешь, не смотри так на меня, а то мне кажется, что что-то со мной не в порядке.

«Конечно не в порядке, если в присутствии одного мужчины думаешь о другом».

Машинально заправляю прядку за ухо, и слегка обмахиваюсь меню. Жарко что-то резко стало.

Три золотые свечи на столе, покрытом тяжелой белоснежной скатертью, радостно помахали огоньками от дуновения ветерка от моего «опахала».

– Извини. Не могу налюбоваться такой красивой женщиной.

Щеки мои, и так пылающие от волнения, необычной обстановки и настойчиво подкидывающих воображением картинок с чудовищем, заливает густой краской.

– Веня… – закрываюсь от него книжкой и совсем чуть-чуть сползаю вниз. На минуту хочется стать маленькой, как Маришка, и вести себя по-детски. Под стол, например, залезть, спрятаться от всех там.

– Ваше шампанское, – доносится сбоку.

Не чудовище? Не зачет

– Ваше шампанское, – доносится сбоку.

– Не прячься, красавица, – смеется Веня, разгадав мой план.

Приходится выпрямиться и чинно положить меню рядом, все равно от волнения не смогла выбрать что поесть. Пусть Веня сам заказывает что хочет.

Официант наливает нам шампанское и бесшумно удаляется, оставив бутылку в ведерке со льдом на столе.

Мы поднимаем бокалы на высокой ножке. Такой тонкой, что кажется, она сломается от одного взгляда.

– За тебя, дорогая!

– И за тебя.

Бокалы с игристым соприкасаются с хрустальным звоном.

Делаю глоток.

– М-м, вкусно, – одобряю выбор напитка. – Кстати, Веня, – осторожно ставлю бокал на стол, – ты так и не рассказал, как прошло знакомство с моими?

– Хм. Довольно интересно. Анна Николаевна приятная женщина, мы мило побеседовали, а твоя дочь почему-то знакомиться не захотела. Заявила, что она с незнакомыми дядечками не общается, а разговаривает только с чудовищем. Я ответил, что у меня знакомых чудовищ нет.

Пузырьки недавно выпитого шампанского возвращаются, ударяют в нос. Зажимаю рот рукой. Из глаз чуть не брызнули слезы.

– Прости, поперхнулась.

– Все в порядке?

– Да, это шампанское…

– Так о каком чудовище говорила твоя дочь?

– Понятия не имею, – невинно пожимаю плечами.

Спасает подошедший к нашему столику официант. Веня делает заказ и снова переключается на меня.

– Как продвигаются поиски работы?

Безумно рада, что мы ушли от скользкой темы.

– Пока безрезультатно. Просмотрела объявления, отправила в несколько мест резюме. Сегодня на одно сходила, сказали, позвонят. Еще в двух компаниях назначили собеседование на следующей неделе.

– Уверен, тебе обязательно позвонят. Хотя мне нравится, что ты работаешь в институте. Это престижно.

– Престижно, только зарплата маленькая, ты же знаешь. И карьерного роста нет, преподавательские ставки все заняты. Веня, – строю игривые глазки и шагаю пальчиками по столу в сторону его руки, – а к вам в банк нельзя устроиться?

– Ленусик, я даже спрашивать не буду.

Веня откидывается на спинку стула. Не понравился вопрос.

– Я против устройства по блату. И работать вместе – плохая идея. Видеться на работе, потом еще дома – мы быстро охладеем друг к другу.

– Ну да, возможно ты прав. Только не забывай – дома мы с тобой не видимся.

– Я думаю, мы скоро это исправим, – многообещающе улыбается Веня, поднимая бокал с вином, приглашая выпить с ним. Поддерживаю, отпиваю глоток. – Как насчет выходных? Предлагаю провести их вместе. Только ты и я.

– Ты же помнишь, что я не одна? Дочка не простит, если я ее с собой не возьму, она и так скучает, когда всю неделю в садик ходит. На работу устроюсь, времени еще меньше будет.

– Иногда людям нужно побыть отдельно друг от друга. Отдохнуть. Хочешь, я поговорю с Анной Николаевной, договорюсь, чтобы она присмотрела за твоей дочерью? Думаю, будущая теща мне не откажет.

– Лучше пригласи нас с дочкой в парк. Познакомитесь поближе, пообщаетесь. Марина уникальная девочка, смешная, контактная. Знал бы ты, что она сегодня учудила…

– И что же?

И в этот момент я четко понимаю, что не нужно говорить Вене о произошедшем. Да и у него интереса особо не вижу.

– Да так… Не важно. Но я уверена, Марина тебе понравится. Она обожает наш парк и аттракционы. Пойдем?

– Ну если только на пару часов.

– Пару часов на парк? – смеюсь. – Да нам дня не хватит.

– Весь день тратить на бесцельное шатание?

– Веня, не будь занудой, тебе не идет. Будет весело, вот увидишь.

– Ладно, посмотрим. Но потом ко мне.

Мы еще какое-то время болтаем ни о чем. Я иногда оглядываюсь на других посетителей. Почему-то снова мысли вернулись к Дим Димычу. Интересно, он приходит ужинать в этот ресторан или предпочитает другие места? А может, любит дома, по-семейному? А если в ресторан, то один или с кем-то?

Киваю и улыбаюсь Вениамину – он что-то рассказывает, вроде как случай с работы, а я опять целуюсь с чудовищем. Вспоминаю нашу поездку и запах в его машине – смесь кожаного салона и мужского одеколона. Вкусно.

Они с Маринкой прощались так, будто должны скоро снова встретиться, а он даже номер телефона у меня не попросил. И я вдруг ловлю себя на том, что злюсь на Дмитрия за это.

– Лена, ты где?

Вениамин касается моей руки. Вздрагиваю. Оказывается, нам принесли заказ, а я не заметила, погрузившись в свои мысли.

– Прости, задумалась. Приятного аппетита.

– Тебе тоже, дорогая.

Постелив салфетку на колени, вооружившись ножом и вилкой, мой жених приступил к ужину.

Кушал Веня великолепно. Я аж засмотрелась. Обращение с ножом и вилкой – на уровне фехтования. Настоящая поэма. Каждому хирургически точному движению ножа и вилки по зажаренному куску мяса можно только позавидовать.

– Попробуй, это вкусно, – Веня отрывает взгляд от тарелки.

Взмахиваю ресницами в знак согласия, несмело беру вилку в одну руку, нож – в другую. Кладу их обратно. Есть, как Веня, я не умею, да и аппетита нет.

Беру бокал с шампанским, делаю несколько глотков.

У меня звонит телефон. Торопливо достаю его из сумочки, потому что звонить в это время может только один человек. А просто так мама бы не беспокоила.

– Это мама. Что-то случилось, – показываю экран с надписью «Мама» чуть нахмурившемуся Вениамину и нажимаю зеленый кругляш. – Алло, мам?

– Ленусь, ты только не волнуйся, – одних этих слов хватает, чтобы сердце рухнуло в пятки. – У Маришки животик болит, я скорую вызвала.

– Сейчас буду, – бросаю коротко и отключаюсь. – Веня, прости, мне нужно домой. Срочно. Дочка заболела.

– Она же с твоей мамой.

Смотрю непонимающе на Веню:

– Дочка. Заболела.

Хватаю сумочку и бегу на выход, позабыв обо всем на свете. На мое счастье, у ресторана на парковке стоит такси.

– Срочно… можете? Район Площади Советов, покажу, – запыхавшись, спрашиваю у водителя.

– Садитесь, – оживляется молодой паренек. Заводит авто, и через несколько секунд мы отъезжаем от ресторана, на крылечке которого пусто.

Не замечаю красочно освещенного ночного города. Не вижу веселую молодежь, тусующуюся на лицах проспекта. Не обращаю внимания на молнии, что угрожающе рассекают черное небо, предупреждая о надвигающейся грозе.

Забыв про Вениамина, брошенного в ресторане, еду в такси, молясь, чтобы с моей кнопкой все было хорошо.

Глава 7. Жениться не хотел, да?

– Дмитрий -

– Юльчик, я дома.

Не включая свет, разуваюсь, иду по коридору в спальню, оставив ведерко с мороженым на полке в прихожей. В ладони впиваются шипы Юлькиных любимых роз. Щекочущий ноздри аромат шлейфом стелется за мной, вырывается вперед. Предвкушаю увидеть тот самый восторг в карих глазках своей девушки, что вызывают обычно мои подарки.

Тихо дома. Юлька спит, что ли, не дождалась меня? Ну да, я задержался на работе, но я же написал сообщение, предупредил, что много работы, поэтому вины за собой не чувствую. Но если все же виноват, то готов откупиться не только розами и мороженым на десерт.

В игривом настроении осторожно приоткрываю дверь в спальню. Рассеянный неоновый свет ночного города освещает широкую заправленную кровать.

Опа.

Врубаю свет. Осматриваюсь. Комната пуста.

Шкаф открыт, несколько платьев свалены на пуфик рядом – Юля наряд выбирала, торопилась.

Сажусь на край кровати, кидаю розы на Юлькину подушку. Они рассыпаются веером. Такой контраст – темно-красные розы на белом покрывале, как на снегу. Вот-вот замерзнут.

Проверяю телефон – сообщений нет, звонков тоже. Набираю благоверную – гудки. Не берет трубку.

– Что за новости? – бурчу недовольно. Могла бы и предупредить где она, что.

Сдерживаю себя, чтобы не открыть инсту, проверить ее аккаунт и геолокацию. Хочу доверять.

Хочу.

Хочу, только не получается.

И чем дальше, тем больше.

Некстати вспомнилась Елена и наш с ней поцелуй. Он, конечно, классный и не идет в сравнение ни с чем. Но все же это была шутка.

Но что, если и Юля сейчас с кем-то… Целуется… Не шутя…

В груди огненным шаром раздувается бешенство. Чтобы не разгромить тут все к чертям, откидываюсь на кровать назад, закрываю глаза. Откатываю память в прошлое.

***

Пьяная вечеринка у друзей друзей, куда мы забурились большой, изрядно поддатой толпой. Спустя полчаса бесцельного шатания по усадьбе мое внимание привлекла девчонка, к которой приставал какой-то тип. Зажал ее к отделанной под камень стене дома, наступает. Вот-вот утырок начнет распускать руки. Девчонка пытается ему как-то втолковать, чтобы он не лез. До этой парочки, стоящей под раскидистой елью, никому нет дела. Кроме меня, накачанного алкоголем и желанием куда-то деть разыгравшуюся активность.

Подхожу ближе. Меня шатает, в голове пьяная карусель, но я старательно вслушиваюсь в голоса, а то может я тут лишний, а у них здесь ролевые игры?

– Юлька, Юляша, че ты ломаешься? Пойдем на второй этаж, говорят, там клево.

Юля, значит. Зачетное имя.

– Леонид, – девчонка упирается ладошками в грудь парня, сохраняя дистанцию. Старается говорить твердо, но голосок все равно срывается, – я пришла на день рождения подруги и у меня нет в планах шариться с парнями по вторым этажам.

– А мы не будем шариться. Мы просто поищем твою подругу… на втором этаже.

Леонид оскаливается и тянется рукой к длинным роскошным черным волосам красавицы.

– Ай, – она вскрикивает и хватает его за руку, когда он дергает ее к себе. – Пусти.

– Юл-ля, – выхожу из тени, когда понимаю, что пора вмешаться, – я тебя обыскался. Любимая, это что за тело возле тебя трется?

– Любимая?

Леонид разворачивается ко мне, отпуская волосы Юли. Моментально теряет к ней интерес, оценивая наши с ним весовые категории. Леонид проигрывает мне и в ширь, и в высь. Оглядывается на Юлю:

– Так ты с ним, что ли? А че сразу не сказала? А то подруга, подруга.

– Ну я подруга, – делаю шаг вперед, – какие проблемы?

– Нет проблем. Ушел я.

Бочком, бочком это недоразумение скрылось за углом дома.

***

Спустя полгода общения и свиданий я привел Юлю домой в качестве своей девушки. Родственники одобрили, тем более, что из безбашенного легкомысленного пацана я стал постепенно превращаться в мужчину. Не иначе, рассудили они, это положительное влияние на меня Юлии.

Еще через пару месяцев мы с ней начали жить вместе. Предложение сделал на годовщину знакомства. Она согласилась.

Готовились к свадьбе. Заявление подали, дату назначили.

Мальчишник. Пьянка. Спор. Гонка по мокрому асфальту.

Адреналин зашкаливает. Моя ласточка оставила всех соперников далеко позади.

Поворот. В глаза светит дальними фарами встречка.

Занос. Визг тормозов.

Руль выворачиваю уже в воздухе. Яркая вспышка. Пронзительная боль. Темнота.

***

Слышу голоса. Глаза открыть не могу, мешают повязки, зато слух четко улавливает плач мамы и Алиски.

– Не надо, не плачьте, я живой.

– Слава богу, очнулся!

Вокруг меня суетятся, щебечут любимые женщины. Вслушиваюсь, пытаюсь разобрать среди гомона голос невесты.

– А Юля где?

– Дома твоя Юлька, плачет. Димка, идиот, мы чуть с ума не сошли, когда про аварию узнали.

Племяшка ругает меня, что я всех напугал, хлопает ладошкой по плечу. Больно. Мелкая, а удар что надо. Мать тихо сидит рядом, но я чувствую – слезы катятся.

– Не надо, мам…

– Да я что, я ничего. Радуюсь.

По предплечью гладит мягкой ладошкой, гладит, и от этого щемящая боль в груди дышать не дает. Напугал я всех.

– Прости.

В палату входит врач, выгоняет женщин.

– В рубашке родился, Кудрявцев, – слышу, как он нажимает какие-то кнопки на аппарате, что стоит у изголовья, вероятно, смотрит показания. – После такой аварии только перелом ноги и легкое сотрясение. Еще физиономию себе попортил, шрамы останутся. Но, говорят, шрамы украшают мужчину, не так ли? А ты чего гнал-то? Жениться не хотел, наверное, да? – подшучивает доктор.

– Хотел. Хочу. Я хоть щас. Зовите регистратора.

– Оставишь невесту без первой брачной ночи? Нет уж, брат, подлечишься, потом в загс.

***

Подлечился.

Пить, спорить и гонять зарекся навсегда. Несколько месяцев восстанавливался, ногу разрабатывал. Честно говоря, думал, будет хуже.

Разбитую машину отправил в утиль, купил новую, но сел за руль не сразу – потряхивало. И те фары встречные мерещились всюду. Только когда к брату в компанию вернулся и нужно было как-то добираться до работы, начал осваивать вождение будто заново.

Юлия за несколько месяцев моего отшельничества отдалилась. И не уходит, и откровенно поговорить не хочет, тянет что-то, увиливает. Глаза прячет.

– Боишься, что ли, меня, Юль? – несколько раз спрашивал.

Однажды только прошептала, я услышал:

– Страшно.

Ключ в замке проворачивается. Дверь открывается. Выхожу встречать благоверную.

– Ой, Дим, а ты уже дома? А мы с девочками в кафе засиделись.

Опираюсь плечом о косяк, складываю руки на груди. Молчу, стиснув зубы.

Густые черные локоны прячут лицо, пока Юля справляется с застежками на босоножках. Платье на ней серебристое, обтягивающее, длиной по икры. Все закрыто наглухо, но изгибы подчеркивает. Отпадно. Освобождает ножки от обуви, сразу становится ниже, миниатюрнее. Босиком идет до меня, привстает на носочки, чмокает в левую щеку.

– Как дела? – дежурный вопрос.

В глаза не смотрит. Проплывает мимо в ванную вместе с тяжелым клубным запахом.

– Нормально, – сухо отвечаю ей в спину. – Позвонить предупредить сложно было?

– Ой, Дим, не начинай, – отмахивается. – Расстегни лучше.

Подхожу. Юля перекидывает через плечо волосы вперед, подставляет спинку. Тяну молнию вниз до поясницы, еще ниже.

– Спасибочки.

Хочет отойти, но я держу за язычок молнии. Крепко держу.

– Пусти, – вырывается.

Рывком дергаю ее на себя. Не удержав равновесия, Юля бьется спиной о мою грудь.

– Что творишь, Кудрявцев? – шипит, выворачиваясь из капкана рук.

– Юл-ля-я, – шепчу в волосы, прижимая сильнее. – Поцелуй меня.

"Просто поцелуй. Сама. И все обиды станут неважными".

– Отпусти. Не хочу.

Ну нет, так нет. Развожу руки.

Разворачиваюсь на 180 градусов. Забираю с полки подтаявшее мороженое. Располагаюсь на диване. С первой же ложки сливочного лакомства во рту уплываю в нирвану. Теперь это и мое любимое мороженое тоже.

Глава 8. Не нравится…

– Елена –

Вчера, когда я на такси подъехала к дому, наспех заплатив таксисту, и не помня себя, выскочила из машины, скорая уже стояла у подъезда.

Перескакивая через ступеньки, поднялась на свой этаж. Врач, низенький мужичок в синей форме, с чемоданчиком в руках, на пороге прощался с мамой.

– Что… с дочкой… – запыхавшись, едва смогла спросить.

– Это мама девочки, – пояснила мама доктору.

Мужчина спокойный как удав и мама такая же. Значит, с Мариной ничего серьезного?

– Ничего страшного с вашей дочкой. Реакция на стресс. Я дал ей легкое успокоительное. Постарайтесь окружить ее вниманием и положительными эмоциями. Будут еще боли беспокоить девочку, покажитесь участковому врачу.

– Хорошо. Спасибо.

Мама закрыла за доктором дверь, а я разувшись, поторопилась к дочери.

В комнате еще витал запах медикаментов. Игрушки "спали" на своих местах. Кукла Даша ростом с Марину стояла в своем уголке как живая, только что не моргала. Я так боялась, что Марине она не понравится или испугает девочку, а кнопка пищала от восторга, найдя ее в огромной коробке на балконе в Новый год – подарок от Деда Мороза.

Моя маленькая принцесса спокойно спала на верхнем ярусе нашей кровати, подложив под щеку ладошку. Другой рукой обнимала мягкую игрушку – рыжего шарпея. Ни гром за окном, ни яркие молнии не тревожили сладкий сон моей куколки. Реснички длинные только слегка подрагивали.

– Солнышко мое, как же ты меня напугала, – прошептала спящей дочке, поцеловала ее в щечку, погладила по тонким волосикам.

Немного полюбовавшись своей красавицей, более-менее успокоившись, я пошла на кухню. Мама заварила ромашку, налила нам обеим. Сидели с ней друг напротив друга, обнимали горячие кружки.

– Мам, что с Маришкой случилось? Почему животик заболел? О каком стрессе доктор говорил?

– Ой, не знаю. Как вы с Вениамином ушли, так она что-то закапризничала. Я с ней и так, и эдак, и поиграть, и почитать, а у нее настроения нет. Потом вот на животик жаловаться начала. Но врач сказал, ничего страшного, и она может завтра в садик идти.

– Ладно, посмотрим, что утром будет.

– Сорвала я тебе свидание, да, дочь?

«Скорее наоборот»

– Все нормально.

Мы еще долго пили чай, успокаивая свой стресс, и разошлись уже за полночь. От Вени сообщений не было, обиделся, наверное, что я его бросила одного в ресторане.

Сегодня с самого утра дочь задумчива и я уже скучаю по ее смеху, проказам и вечным почему. Надеюсь, дорога в детский сад и лужи по дороге от ночного ливня вернут мне моего шумного и любознательного ребенка. Бабуля еще в душе, а мы с Маринкой завтракаем вдвоем, в тишине. Правда, недолго. Вот-вот посыпятся вопросы о Вениамине. И я морально к ним готова. Почти.

Марина медленно мешает ложкой растаявшее сливочное масло в любимой манной каше. Солнечные лучики, пробираясь сквозь ветки тополей за окном, ласково гладят мою девочку по распущенным пшеничным волосам.

– Как же ты напугала меня вчера своим животиком, – вслед за лучиками провожу рукой по голове доченьки.

– Я не хотела… он сам.

– Я знаю. Больше не болит?

– Неа, – машет головой.

Тонкие длинные прядки падают на лицо. Маришка смахивает их ладошкой в сторону.

– Это хорошо. Тогда кушаем и собираемся в сад?

– Угу.

Наливаю себе кофе в кружку и сажусь рядом с дочкой.

– Мам, – Маришка поднимает на меня синие-синие глаза с грустинкой внутри, – а тебе со мной и бабулей совсем скучно, да?

Кофе неожиданно застрял в горле, я закашлялась, отставив кружку в сторону.

– С чего такие мысли, дочь? – слезы замерли на ресницах после кашля, хорошо хоть не успела еще накраситься.

– А зачем вчера к нам этот дядька приходил?

Хоть я и ждала чего-то подобного, прокручивала в голове возможные вопросы дочери о Вениамине и думала, как буду отвечать на них, но все равно оказалась не готова к такой подаче.

– Дядя Веня? Познакомиться хотел с тобой и бабушкой.

– А зачем?

– Ну… зачем люди знакомятся? Чтобы друзей много было. Чтобы можно было вместе сходить в кино или на прогулку, поужинать в хорошей компании. Вот у меня есть ты и бабуля, а у дяди Вени нет никого.

– А он тебе кто? Жених?

– Мы с ним хорошие друзья.

– А хорошим друзьям разве можно целоваться?

Блин, значит, Маринка видела, как перед походом в ресторан Вениамин зажал меня в коридоре и полез с поцелуями. Я быстро пресекла его порыв, но дочь, очевидно, подглядывала и вот результат.

Опускаю глаза в кружку. Неудобно перед ребенком за свое поведение и нашего гостя. Надо как-то объяснить тот поступок перед малышкой, а я чувствую себя младше ее. Будто нашкодила и теперь надо прощения просить.

– Ну… может быть, он не просто хороший друг, а немного больше.

– Насколько больше?

– Ну не знаю… – мямлю, не смея поднять глаза на дочь.

– У меня в садике все мальчики хорошие друзья, мне что – с ними со всеми целоваться?

– Со всеми не надо. И вообще целоваться можно только взрослым.

– А-а, вот почему ты с чудовищем целовалась. Потому что он взрослый.

Вспыхиваю как спичка:

– Я с ним не целовалась. Это он начал, – оправдываюсь и заодно возмущаюсь. – И вообще, это ты ему разрешила поцеловать меня, а я не хотела! Я его впервые видела! А чтобы целоваться, люди должны узнать друг друга лучше!

«А поцелуи с Веней так себе. От них липкий налет остается на губах, ощущение не очень, если честно, – нашептывает внутренний голос. – Не сравнить с поцелуем Дмитрия. А-а-а! Ненавижу сравнивать! Так нельзя!».

Лихорадочно ищу возможность слиться с новых каверзных вопросов дочери, которые, очевидно, генерируются сейчас в ее белобрысой голове. И вдруг меня осеняет:

– Мариш, а дядя Веня предлагает в воскресенье сходить в парк на карусели.

– Ну сходите, – сосредоточенно наблюдает за движением масла в каше.

– Он хочет, чтобы мы втроем пошли. С тобой.

– Мне он не нравится! – надув губы и отодвинув тарелку с кашей от себя, бурчит дочь.

– Парк? – уточняю, хотя с досадой понимаю, что не о парке речь.

Вениамин не понравился Маришке. Мама тоже сдержано отнеслась к его персоне. Нужно время, чтобы они привыкли, узнали ближе друг к друга. Глупо было надеяться на любовь с первого взгляда.

– Знаешь, дядя Веня мог бы стать твоим папой.

– Ты на нем жениться хочешь?

– Женятся мужчины, а девушки выходят замуж.

Дочь пытливо смотрит. Ждет ответа на вопрос, а не поправку.

– Может быть, мы с дядей Веней поженимся, – осторожно проговариваю и сама пугаюсь этих слов. – Но это еще не скоро, – тут же поправляюсь.

– Он совсем тебе не понравился, да? – спрашиваю спустя бесконечно долгих пары минут.

Угукает. Вздыхает тяжко. Мысленно повторяю за ней вздох.

Знакомство с мужчиной, который для ее мамы немного больше чем друг, расстроил дочку. Я надеялась, они найдут общий язык, но двухминутного знакомства мало для обоюдной симпатии.

А не появление ли Вени спровоцировало стресс у Марины?

– У него нос шевелится, когда он разговаривает, – выдает вдруг недовольно дочь. – Вот так, – и, ткнув пальчиком в кончик носа, смешно крутит его вверх-вниз.

– У кого?

– У дяди Вени.

– Правда? Не замечала. Поэтому он тебе не понравился?

– И поэтому тоже.

– Ладно, Мариш, ешь давай, в садик опоздаем.

Двигаю кашу ближе к дочери.

Но и спустя две минуты каша остается нетронутой. Марина подперла голову кулачком и теперь просто уныло крутит ложку в самой серединке тарелки, наблюдая, как сливочное масло стекает в лунку прозрачными желтыми дорожками.

– Эх, скорей бы суббота, – снова вздыхает кнопка.

– А что будет в субботу?

– Мороженое.

– Точно, – оживляюсь, – мы обязательно пойдем в кафе есть наше любимое мороженое. Кстати, можем сегодня после садика заглянуть,

– Да! – радостно хлопает в ладоши дочка.

– Но! – поднимаю указательный палец вверх. – Если не будет болеть животик. И только по одному шарику! А то к субботе горлышко заболит.

– Хорошо. Но! – копируя мой жест, Марина поднимает свой пальчик вверх. – Только ты и я!

– Заметано!

Закрепляем договор хлопком по ладоням.

Глава 9. Минус 1 или Мне нужен ты!

– Дмитрий –

В отвратном настроении еду на работу. Юля мозг вынесла напрочь. И… мы расстались. Сожаления не испытываю, только грязным себя ощущаю с головы до ног.

Утром, проходя из ванной мимо спальни, случайно подслушал Юлькин разговор по телефону очевидно с кем-то из подружек.

– Ой, да мой квазимодо слова не сказал ни вчера, ни сегодня. Ходит, словно в рот воды набрал и лицо такое… бр-р-р… – представил, как передернуло невесту при этих словах. – А-ха-ха, о чем ты? – хохотнула она в трубку.

Что-то еще говорила, комментировала, мне было уже не интересно. Важное я услышал.

Квазимодо, значит. И как ни странно ни разочарования не почувствовал, ни обиды. Смешно просто стало – притворяться столько времени и ради чего? Ради статуса невесты? Ради галочки, что есть мужик, обеспеченный, с жильем, давно готовый жениться? Искала все это время запасной аэродром? Зачем? Где логика? Не по-ни-ма-ю!

Юля еще щебетала с подругой, а может и не с подругой, но мне было все равно. Ушел на кухню, поставил вариться кофе. Отвернулся к окну и тупо смотрел на улицу невидящим взглядом, спрятав руки в карманы домашних штанов.

Резко скинул с себя женские руки, неожиданно обвившие меня за талию.

– Уходи, Юля.

– Я тоже кофе хочу, – услышал капризные нотки в голосе.

– Уходи. Из моего. Дома, – четко выделил каждое слово.

– Димочка, ты чего?

Юля подлезла под руку, начала обеспокоено заглядывать в глаза. Без косметики, свежая после сна, передо мной хлопала ресничками обычная симпатичная девчонка. Красивая оболочка невкусной конфетки.

– Это из-за того, что я вчера тебе отказала? – улыбнулась игриво, потянулась к ровной щеке губами. Я отстранился. – Ну прости, не дуйся. Мы с девочками собрались, давно не виделись. Пришла домой как выжатый лимон.

Я смотрел на нее сверху вниз. Красивая девушка. Эффектная. А никаких чувств к ней не испытывал кроме неприязни. Для этой красавицы прекрасный принц превратился в чудовище без права на перевоплощение.

– Глаза, Юля, у тебя лживые. Твой квазимодо больше не желает тебя видеть в этом доме. Мы расстаемся.

– Дим, Димочка, – Юля догадалась, что я слышал ее болтовню, – это шутка была. Не обижайся, Дим.

– Уходи, Юля. Все. Два дня тебе даю, чтобы съехала. Ключи на полке оставь.

Молчала моя теперь уже бывшая несколько секунд. Глазки неверяще бегали по моему лицу, цеплялись за борозды, полыхали искрами. Не пошутил ли я?

Какие тут шутки?

Кофе в турке поднялся шапкой, зашипел. Я крутанул ручку, выключив плиту. Пить расхотелось.

– У тебя кто-то есть, да? Ты поэтому так легко перечеркиваешь наши отношения?

– А нет никаких отношений, Юль. Ты не заметила? Мы давно чужие друг другу.

– Я тебе не верю. Не верю, слышишь?

Голос с тихого шепота перерос в истерический крик:

– Ты лжешь! Ты не можешь выкинуть меня как использованную вещь! Ты любишь меня!

– А ты?

– И я люблю, Дим.

Что ж ты, врешь, милая и не краснеешь? В глазах ни капли правды.

– Так любишь, что уходишь на гулянку, не предупредив где ты, с кем и как доберешься до дома? Так любишь, что боишься ходить куда-то со мной вместе? Так любишь, что за глаза называешь Квазимодой? Между нами давным-давно ничего нет, Юля, ты не заметила? Как соседи живем.

Воздух между нами накалялся с каждой секундой все сильнее.

– Ты… ты… ты не имеешь права упрекать меня. Это из-за тебя у нас не состоялась свадьба! Из-за тебя я живу с… – осеклась, вытаращив глаза.

– Ну? Договаривай. С уродом? Инвалидом? Еще скажи, что жалеешь, что я не умер.

Красивый рот открылся, закрылся.

– Все. Через два дня чтобы тебя здесь не было.

Обойдя Юлю, пошел одеваться на работу и услышал в спину:

– Ты еще пожалеешь.

А мне смешно стало. Обернулся:

– О чем, Юля? О чем я должен пожалеть?

Кофе так и не попил с утра, поэтому на работе первым делом иду к автомату, стоящему в общем коридоре. Выбираю Американо и жду свою порцию кофеина. Олег вышел из лифта, подошел ко мне.

– Дим Димыч, чего хмурый с утра? Мороженое не понравилось?

Олег давит лыбу и, подмигивая, протягивает руку. Приветствуем друг друга крепким пожатием.

– С Юлей расстались.

– О как, – улыбка исчезает, брат хмурится. – Так, сейчас не могу, – смотрит на циферблат наручных часов, – встреча. На кофе-чай приходи, поболтаем.

– Угу.

– Не кисни, прорвемся.

Олег хлопает меня по плечу и быстрым шагом удаляется в сторону своего кабинета.

– Я и не кисну, – говорю вслед удаляющемуся брату. – Мне по кайфу на самом деле.

Забираю горячий стаканчик, иду к себе. Погрузиться в работу – лучший повод не думать и не анализировать почему и когда наши отношения с Юлей зашли в тупик. Значит, так было нужно. Одно понимаю четко, как бы это парадоксально не выглядело – черная полоса закончилась.

В десять, как и договаривались, иду в кабинет биг-босса.

Кофе-чай – это пятнадцатиминутный перерыв для всех сотрудников компании. Для него отведено строгое время – в десять утра и в три часа дня. Так называемый отдых от работы, потому что основная часть людей работает за мониторами, а глазкам нужно давать отдыхать.

– А где твоя… э-э… Анжелика? – вхожу в кабинет Олега без предупреждения, так как не обнаружил секретаря на рабочем месте. В руках две чашки кофе – себе и брату.

– В поликлинику отпросилась. Беременна. Что ты так на меня смотришь? Не от меня. Я на работе ни-ни. Только дома и с женой.

– Ну да, ну да. Дома и с женой, так я тебе и поверил. А ничего, что это уже третья секретарша за два года и все отсюда в декрет уходят. Странно, не правда ли?

– Я тут ни при чем, – делает честные глазки братец.

На самом деле я ему верю, просто подколоть и постебаться над братом святое дело.

– Я ХэЗэ как их таких в отделе кадров отбирают, – вздыхает Олег. – Вот, сам теперь искать секретаря буду.

Олег хлопает ладонью по стопке листов на краю стола. Анкеты соискательниц слегка пружинят под тяжестью руки.

– Тебе, Димка, кстати, не надо помощницу? – прищуривается.

– Не-е, я пока сам справляюсь. Дай хоть посмотрю, из кого ты секретаря выбирать собираешься.

Беру пачку анкет, присаживаюсь на диванчик. Попивая кофе, листаю резюме. Такое ощущение, что девушки списали данные друг у друга, а потом фотки свои наклеили.

– Без опыта, не замужем, без вредных. Без опыта, не замужем, без вредных. Без опыта, не замужем, без вредных. Вес, рост. Размеров груди не хватает. Так они все одинаковые. Выпускницы, красавицы, в активном поиске. Естественно такие быстро замуж выскочат и в декрет…, – притормаживаю на очередной анкете, – умотают… – заканчиваю фразу бормотанием себе под нос.

А вот это уже интересно. С фотографии на меня смотрит знакомое лицо. Та самая блондинка из кафе, только на фото волосы длиннее.

– Елена Владимировна Семиранова, 25 лет. Не замужем, два года работает на кафедре института ассистентом, дочь пяти лет. Эту возьми, с опытом, – протягиваю резюме Олегу.

– Так тоже ведь не замужем. И ребенок – это постоянные больничные и прочая лабудень.

– С ребенком замуж быстро не выскакивают. Зато опыт работы есть, ребенок пристроен. Есть стимул работать и зарабатывать.

– У Ники будет меньше вопросов, – подкидываю еще один плюсик.

Вероника у Олега капец какая ревнивая. Не одну сотрудницу до слез довела, а парочку и до увольнения.

– Ну может быть, – брат задумчиво теребит подбородок. – Думаешь, стоит попробовать?

– Решать тебе, – пожимаю плечами, делая минимально заинтересованное лицо, – я бы попробовал. Ну или Нику привлеки, она тебе быстро секретаршу подберет.

– Ага, Ника найдет такую, что на работу приходить не захочется. Какую-нибудь старую грымзу в очках и с гулькой на макушке. Нет уж, доверюсь твоему выбору. Семиранову приглашу, побеседую.

Олег откладывает анкету Елены отдельно от остальных. Черт, там же телефон. Как бы раздобыть, чтобы не спалиться?

– Так что у тебя там с Юлей?

– Уже ничего. Расстались почти по обоюдному согласию. Зачем ей жизнь портить рядом с Квазимодой?

– Это она тебя так назвала?

– Неважно. Но чудовище звучит как-то приятнее.

– М-м. Мать расстроится. Ей Юля нравилась.

– Ничего, это временно. Разонравится.

– Сказал ей уже?

– Нет еще. После работы поеду, поживу там пару дней, пока Юлька не съедет.

– Алиска к матери на все лето приехала. У нас жить не захотела. Как узнала, что у нас с Никой малыш будет, так забыковала.

– Ревнует?

– Похоже на то.

– Мда-а, как все сложно.

Кофе допивали в тишине. Уже перед уходом Олег притормозил меня:

– Слышь, Димыч, не надумал пластику сделать?

– Неа. Пусть не на внешность смотрят, а на то, что внутри.

– И то верно.

Мне нужен ты!

"Куда идем мы с Пятачком? Большой, большой секрет…"

А угадайте, из динамика чьего телефона орет Винни-Пух, заполняя голосом Леонова зал совещаний? Судя по тому, что коллеги, собравшиеся на планерку, устремили свои взгляды на меня, то это мой гаджет по ту сторону стола разрывается, пока я здесь на графиках показываю динамику развития за последний квартал. Благодаря великолепной акустике песенку наверняка слышно в коридоре и соседних отделах. Кто такой бесстрашный, что позволил себе пошутить с моим телефоном? Сам себе я такой рингтон поставить не мог. Сотрудники чужое не берут, тем более без спроса, а мой сотик никто последние недели две не просил. Остается один подозреваемый с шаловливыми ручками. Точнее одна.

Опять Алиска шарилась в моем мобильном и ставила на незнакомые входящие мультяшные рингтоны. Стоило приехать к матери, как племяшка запустила свои тонкие пальчики в личные вещи любимого дядюшки. Ну, погоди, мелкая проказница. Руки оторву в следующий раз, честное слово.

"… И не расскажем мы о нем, О нет, и нет, и нет"

Широкими шагами иду к своему месту выключить звук. Песенка между тем расплывается по залу совещаний, вызывая смешки у коллег. А после присоединившегося писклявого Пятачка мужики заржали в голос.

Олег зато не ржет, даже не улыбается, наоборот, готов убить одним взглядом. Не смешно ему. Вон, аж лысина от гнева заблестела.

– Дмитрий Дмитриевич, что за детский сад? – рычит громче Винни-пуха, начавшего петь сначала.

Коллеги, тряся плечами, согнулись над блокнотами, а у меня, наконец, получилось убрать звук. Алиска нашаманила так, что нажатием боковой кнопки тише звонок не становился, пришлось лезть в настройки.

"А ничего, что это твоя дочь подлянку мне сделала?" – посылаю ему красноречивый взгляд, а вслух произношу:

– Племянница баловалась. Извините.

Олег недовольно машет головой.

Смотрю на номер – абонент не определен. Нажимаю на зеленый кружок.

– Кудрявцев. Слушаю.

– Алло, чудовище?

В трубке раздается тихий шепот. Приходится прижать трубку сильнее к уху и напрячь слуховой орган, чтобы расслышать абонента. В подвале он, что ли?

– Алло, кто это? Говорите громче.

На меня заинтересованно косятся коллеги, переглядываются друг с другом. Обычно в это время меня никто не беспокоит звонками, а тут я срываю планерку. Нонсенс, да.

– Это Марина, – тот же шепот.

Марина! Маленькая девочка с пшеничными косичками, у которой мильен идей как сделать меня красивым. Значит, ее маме передали мою записку с номером и мне не надо придумывать план-перехват анкеты Семирановой! Теперь у меня есть связь с блондинками. У нас с ними остались неоконченные дела.

Вот только почему сейчас звонит девочка, а не сама Елена?

– Алло, вы можете говорить громче? Вас не слышно.

– Не могу. Я спряталась.

Понимаю, что громче она говорить не будет, поэтому, извинившись и сославшись на важный звонок, выхожу из кабинета, иду в тихое место, где смогу расслышать маленькую девочку. Судя по тому, что она шепчет, явно звонит втихаря от матери.

Тихим местом служит собственный кабинет.

– Марина, я тебя слушаю. Что случилось?

– Дим Димыч, забери меня завтра из садика. Пожалуйста.

– Хм, неожиданно. Почему я?

– Так надо.

– Тебя некому забрать? Мама, папа, бабушка, дедушка, кто-то из других родственников есть?

– Мне нужен ты! Тебе что сложно, что ли?

Голос у девчонки обиженно ломается.

В трубке раздается какой-то шум, чьи-то голоса, и звонок прерывается. Тупо смотрю на экран, в котором бликует мое отражение.

– И что это было? Мамаша подговорила дочь позвонить? У самой смелости не хватило?

Вопросы виснут в воздухе пустого кабинета. Немного посомневавшись, набираю этот же номер.

– Да? – раздается взвинченное женское.

– Добрый день, Елена. Это Дмитрий. Я не вовремя?

– Да…, – растерянно, – нет… все нормально. Уф-ф, здравствуйте, Дмитрий, – выдыхает, взяв себя в руки. – Извините, я не ждала вашего звонка.

Да ну?

– Что у вас случилось? Что с голосом?

– Маришка спряталась, я не могла ее найти, испугалась. Вы что-то хотели, Дмитрий?

– Да. Видите ли, пока вы искали Марину, она звонила мне с вашего номера.

– Вам? Зачем?

– Честно говоря, я не совсем понял. Она попросила, чтобы я завтра забрал ее из детского сада.

– О нет, – застонала девушка. – Это не дочь, это наказание какое-то. Дмитрий, вы не обращайте на нее внимания, я с ней поговорю, больше такого не повторится. Простите, что мы с дочерью отвлекли вас. Вы, наверное, на работе?

Не похоже, что Лена в курсе звонка. Это приятно радует. Присаживаюсь на краешек рабочего стола, напрочь забыв о совещании и обязательном присутствии на нем меня. Рад слышать голос девушки и хочется с ней говорить и говорить, тем более я улавливаю в ее голосе приятную улыбку.

– Объясните, в чем дело, иначе работать дальше я точно не смогу, съедаемый любопытством.

– Вам не понравится.

– Елена, вы еще больше меня заинтриговали. Итак, говорите, я жду.

– Ну что ж, вы сами напросились.

Елена замолчала. Я ненароком подумал, что связь прервалась, посмотрел на экран – нет, все в порядке, разговор продолжается.

– Ле-на, – зову настойчиво, – с вами все в порядке?

– Дмитрий, простите, я просто не знаю, как вы к этому отнесетесь… – Елена делает еще один вдох и выпаливает: – В общем, Маришка в садике рассказала одногруппникам, что у нее есть персональное чудовище… Это случилось после того, как нам передали ваш номер в кафе и просьбу позвонить. Дочь решила, что вы с ней теперь друзья и вот… похвасталась…

Протараторив, девушка на том конце снова замолчала. Так и представил, что она прикусила язычок после того, как сдала дочь.

– И?

– Ребятишки ей не поверили, начали дразнить, в общем, она подралась с мальчишками, поссорилась с подружками. Сегодня не пошла в садик из-за этого.

– Кхм. Я так понимаю, под чудовищем она имела в виду меня?

– Да, – еле слышно прошептала девушка. Совсем как Марина несколько минут назад.

– Мда, быть чудовищем, видимо, суждено мне теперь до конца дней.

– Простите…

Девочку маленькую жалко, что с нее возьмешь – ребенок, забавный, непосредственный, верящий в чудеса и сказки. Надо спасать.

– Понятно. Завтра ваша дочь в садик пойдет?

– Завтра пятница… Да, пойдет. У меня назначено собеседование, я не могу ее взять с собой, а оставить не с кем.

– Отлично. Скиньте мне адрес садика и время когда нужно ее забрать, я подъеду.

– Вам не отдадут ее. Только близким родственникам можно с моего письменного разрешения.

– Тогда встретимся там и заберем ее вместе. Идет?

Лена, кажется, шокирована моим предложением, но соглашается. Я с нетерпением жду завтрашнего вечера.

Надо было все же подумать наперед, прежде чем предлагать свою помощь. Я даже не догадывался, что меня ждет.

Глава 10. Пора скомпрометировать

– Дмитрий –

За десять минут до назначенного времени я припарковался возле детского сада, адрес которого получил сразу после разговора с Еленой. Сижу в машине, жду девушку, настраиваюсь на очередные косые взгляды на свое лицо. Смотрю на себя в панорамное зеркало. Багровые шрамы пугают своей уродливостью даже меня, напоминают о том страшном дне, ноют тупой болью. Может маску надеть, чтобы скрыть большую часть лица? Тогда Маринка расстроится, нужного эффекта не произведу…

Не знаю, что за благородный порыв во мне сработал в очередной раз, наверное, стало жалко маленькую девочку, по наивности своей детской думающей, что в жизни все как в сказке – чудеса, волшебники, красавицы, которые влюбляются в чудовищ и те становятся прекрасными принцами.

– Ложиться, однако, Дим Димыч, тебе под скальпель пластического хирурга, возвращать свою прежнюю симпатичную физиономию. Да?

Кривая ухмылка отражается в зеркале. Не-ет. Пусть остается. Как напоминание о мальчишеской беспечности и глупых спорах. И почти супружеских "отношениях", где важнее оказывается внешность, а не сам человек…

Ложусь локтями на руль, разглядываю место куда я приехал, жду Лену.

Двухэтажное, красочно расписанное здание детского сада утопает в зелени тополей и стриженых вязов. На площадках, что расположились вокруг строения, копошатся ребятишки кто в шортиках и маечках, кто в платьицах. Почти все в кепках. Мураши разноцветные. Где-то среди них бегает та самая блондинистая кнопка, для которой я чудовище и должен сегодня напугать ее одногруппников. Надеюсь, малыши писаться потом не будут. Не хотелось бы ко всему прочему получить проклятия от их родителей.

Вглядываюсь в толпу детворы, но даже намека на Маришку не вижу. Блондинок с косичками насчитал штук пятнадцать, некоторые шустрые попали в список дважды. Издали они все одинаковые, как под копирку деланные.

За две минуты до назначенного времени к воротам сада подъехал автомобиль с шашечками, и из него выскочила Лена. Быстро огляделась вокруг и, не задерживаясь, собралась было открыть калитку, как я ее окликнул. Спешно покинул свою машину и устремился к девушке, на ходу щелкая сигналкой.

– Елена!

Она остановилась, оглянулась на зов. В ее глазах промелькнуло удивление. Неужели решила, что я не сдержу обещание?

Подошел к ней близко, намеренно вторгаясь в личную зону. Больше для того, чтобы проверить, что она меня боится, а зачатки той химии, что я почувствовал между нами в первую встречу, я сам себе нафантазировал.

– Здравствуйте, Дмитрий, не передумали? – губки растянулись в приветливой улыбке.

Сто пудов она рада меня видеть! Вон как щеки зарумянились. И не отступила, позволила стоять рядом, в своей зоне комфорта. Еще и смотрит прямо в глаза. Ноздри аккуратного носика приходят в движение – Лена втягивает в себя **мой** запах и почти не выдыхает!

– Я похож на слабака? – а сам тону в ее синеве с лукавыми чертиками.

Красивая девушка, милая, нежная. Потрогать бы ее всю, прядки эти светлые за ушко поправить…

– Ну знаете… или одна девочка вас чудовищем назвала, или ждите такого же отзыва, а то и похлеще от пары десятков детей.

– Ничего, прорвемся, – хорохорюсь, хотя сам уже сомневаюсь в адекватности своего решения. – Идем?

"Или я снова сорвусь и поцелую".

Лена легкой улыбкой и кивком соглашается, и я открываю калитку, пропуская девушку вперед. Ароматный шлейф цветочных духов мажет меня по носу, нагло заползает в легкие. Теперь я задерживаю дыхание, не выпуская ее аромат из груди. Чувствую всплеск дополнительной порции тестостерона. Длинный широкий сарафан скрывает изгибы девичьей фигуры, заставляя мозг активно фантазировать, а руки, которые еще помнят тепло и бархат ее лица и шелк белокурых волос, вдруг тянутся к тонкому запястью.

– Зачем это? Не нужно, – тушуется девушка, вырывает руку из моей.

– Для правдоподобности, – ляпаю первое, что приходит на ум. – Или я персональный только у вашей дочери?

Вижу, как Лена прячет улыбку, отворачивая голову в сторону. Слабый ветерок треплет прядки, скрывая от меня девушку.

– На самом деле я жутко боюсь, – со всей искренностью, на которую способен, признаюсь девушке. И это действительно так. – Как-то не доводилось общаться с маленькими, а здесь, как я понимаю, их будет очень много.

– Когда-нибудь все происходит впервые. Не бойтесь, я рядом, – многообещающе улыбается глазами блондинка.

– Спасете, да? – зеркалю ей в ответ как мне кажется обаятельно, но чувствую, как кожу на правой стороне тянет не в ту сторону. Мда, я тот еще красавчик.

– Обязательно, – заверяет Елена, кажется, не замечая кривизну моей физиономии. И мне это чертовски в ней нравится.

– Как прошло собеседование?

– Меня взяли секретарем на время декретного отпуска.

– Ух ты! А куда, если не секрет?

– В компанию "Северный ветер". Знаете такую?

– Знакомое название. Ну круто, поздравляю!

– Поздравлять будете, когда у меня закончится испытательный срок. Там такой начальник, что мне страшно.

– Злой? Уродливый? Или наоборот слишком сексапильный, боитесь не устоять перед его чарами?

– Требовательный, Дима, – Лена смеется, кидая на меня взгляд с озорными искорками. – Сам генеральный, это вам не хухры-мухры. Шаг влево, шаг вправо – расстрел.

– Оу, ну тогда это меняет дело. Ну а вообще, он – красавчик, ваш новый начальник?

– Обычный, – Лена безразлично пожимает плечами.

Класс!

Ни разу еще не слышал, чтобы Олега девушки называли обычным. Как правило, они, как любит хвастаться братец, от него кипятком писают. Не зря его Ника ревнует к каждой юбке и периодически устраивает Армагеддон и дома, и в офисе. Но обычный… Как-нибудь скажу брату, что харизма его подвела, интересно посмотреть на его реакцию.

Расправляю плечи шире. Чувствую себя так, будто убрал с дороги лишнего конкурента. Признаваться Лене, что мы будем работать в одной компании, не тороплюсь. Пусть будет сюрприз. Итак сегодня не вылазил из кабинета, чтобы на глаза ей случайно не попасть.

Мы идем по асфальтированной дорожке мимо разноцветных деревянных заборчиков высотой мне по колено. Елена здоровается с воспитательницами других групп, с любопытством разглядывающих нас. Слышу шепотки. Очевидно, новость дня, что за Мариной пришла мама в сопровождении мужчины. Или мужчины были, а шепотки касаются только моего уродства?

– Надеюсь, по вашей репутации не ударит мое присутствие здесь? – мягко прощупываю почву.

– Как говорила одна известная актриса в советском фильме "У меня такая безупречная репутация, что меня уже давно пора скомпрометировать".

Класс!

– Любите советские фильмы?

– Больше, чем современные. Нам сюда.

Мы останавливаемся у одной из площадок. Воспитательница спряталась в тени беседки с книжкой в руках. Дети, предоставленные сами себе, кто в песочнице копается, кто лазает по вкопанным в землю крашеным шинам, кто бегает, прыгает, о чем-то разговаривает с соседом по группе. В общем, жизнь муравейника кипит под жаркими летними лучами вечернего солнышка.

Я высматриваю маленькую блондинку, но меня она заметила раньше.

– Чудо–о–вище–е! – радостно орет на всю площадку Марина.

Ее крик отображается от стен здания, расширяется вверх и в стороны, набирает обороты. Акустика здесь как в горах, и мне кажется, я слышу эхо. Девочка между тем бежит ко мне, распахнув руки.

На автомате делаю шаг назад, намереваясь на полном серьезе дать деру.

Елена хватает меня за руку.

– Стоять!

Выкручиваю кисть и сам сжимаю пальчики Лены. Не вырывается. Притягиваю ее чуть ближе к себе, прячу буквально плечо за ней. Хоть какая-то защита.

Марина тем временем подбегает, обхватывает меня за ноги, задирает голову.

– Я знала, что ты придешь, а мне не верили! – визжит восторженно.

– Привет, Марина, – приятно поражен восторгом девочки. – Не смог тебе отказать в твоей просьбе.

Девочка тут же отпускает мои ноги, разворачивается к мгновенно окружившему нас племени. Складывает руки на груди, выпячивает животик. Выдвинув одну ножку вперед, постукивает пяточкой воинственно.

– Ну, – прищуршись, окидывает группу довольным взглядом, – теперь убедились, что у меня есть мое личное чудовище?

Ответом ей служит тишина. Дети, разинув рты и хлопая глазенками, пялятся на меня как на какую–то диковинку.

Слон на выставке

– Чувствую себя слоном на выставке, – наклоняюсь к Елене и говорю ей громким шепотом.

– Я предупреждала, – также шепотом отвечает девушка.

Тишина вокруг нас напрягает. Дети замерли, как куклы на витрине, только ресницами хлопают. Глаза расширены, рты открыты, слюни текут. А я растеряно перевожу взгляд с одного ребенка на другого. Поначалу они кажутся все одинаковыми, но спустя некоторое время нахожу отличия – цвет одежды, волос, форма головы, наличие зубов.

Вижу, как, почуяв неладное с подопечными отпрысками, оторвавшись от книги, к нам бежит воспитательница. Женщине лет за сорок. Немного полноватая, с добрым круглым лицом.

– Елена Владимировна, добрый вечер, ой, здрав… – и обрывает приветствие на полуслове, глянув на меня. Знакомая реакция постороннего человека на мое лицо.

– Сейчас она тоже замерзнет, – снова наклоняюсь к спутнице.

Елена прыскает от смеха, прикрывается ладошкой.

– Вам смешно, да? А ей наверняка страшно. После любовных романов встретиться с ужастиком в реале. Еще подумает, что вы главаря криминальной группировки привели.

– Дима, прекратите! – Лена щиплет меня за бок и на мгновение прячет личико, утыкаясь лбом мне в плечо.

– Добрый вечер, Ольга Ивановна, – выныривает обратно и отвечает воспитательнице, старательно сдерживая смешок.

Та смущается своего конфуза, оборачивается к ребятишкам.

– Дети, за Мариночкой мама пришла, и за вами тоже скоро придут, а пока идите, играйте. Ванечка, ты зачем машинку закопал? Забудешь про нее, а завтра будешь искать, волноваться. Даша, где твой бантик? Вова, отдай совочек Машеньке…

Гера… Сеня… Кристина… Ольга Ивановна перечисляет каждого ребенка. Как она умудрилась всех их запомнить? Я бы чиканулся.

Широко расставив руки, призывая детей к играм, женщина отчаянно попыталась разогнать малышей, но те снова вернулись поближе к нам и затихли. Ольга Ивановна поняла, что переключить внимание детей не может и отказалась от дальнейших попыток, занялась сбором детского инвентаря, искоса наблюдая за мной и Леной.

А дети смотрят на меня. Я на них. И все еще сжимаю Ленину кисть своей. Не могу отпустить.

– Вау, – разорвал тишину чей–то пораженный голосок.

– А я когда вырасту, тоже себе такие сделаю, – вдруг заявил какой–то пузатый пацан.

– И я.

– И я, – раздались чьи–то тоненькие голоски. И не только мальчишек.

Дети смотрят на меня и говорят **мне**, с благоговейным восхищением в глазах и голосе.

– А я… А я… А у моего папы… А у моего дяди, брата, кума, свата… – ожил муравейник.

Только теперь это похоже не на муравейник, а на галдящих чаек в порту. Глаза разбегаются. Я не знаю на кого смотреть, как реагировать и что делать.

Кто–то дергает меня за штанину. Опускаю глаза вниз. Рыжий с ног до головы мальчишка привлекает к себе внимание:

– А я татуху набью здесь и здесь, – тыкает конопатым пальчиком себе в плечи. – А еще на спине, – добавляет для пущей убедительности.

– Что я должен сделать? Одобрить? – ищу спасительного совета у Лены.

Лена не успевает ответить.

– Это твой папа? – громко спрашивает какая–то вычурная девочка Марину. Сразу видно – будущая фифа.

Марина оглядывается на меня, потом по–королевски важно поворачивает голову к девочке:

– Это. Мое. Чудовище. – Громко чеканит слова.

– Ну все, авторитет восстановлен, – шепчет мне Лена.

– Я рад, что помог.

Попрощавшись с ребятишками и воспитательницей, Марина берет нас с Еленой за руки и вприпрыжку бежит по дорожке под восторженные взгляды маленькой саранчи, забравшейся на заборчик. Ловлю себя на мысли, что это удивительное ощущение – держать маленькую ручку в своей ладони. С Алиской такого ощущения не помню – в ее детстве меня было мало. Грудь распирает от удовлетворения – Марина довольна произведенным эффектом.

– Ну как, девчонки, я справился со своей миссией?

– Еще как справился! – хором говорят две блондинки и синхронно хохочут.

– Тогда может по мороженому?

– Ура, ура, мороженое! – визжит Марина, подпрыгивает и поджимает ноги, отчего нам с Леной приходится поднять ее высоко над землей. Девочка заливается радостным визгом – летит.

Я вопросительно смотрю на Елену – как она относится к моему предложению насчет мороженого. Маришка приземляется, идет рядом с улыбкой до ушей и, по–моему, готовится к новому «взлету».

– Марина, нам домой пора. Нас бабуля ждет и кое–кто еще.

– Кто? Опять твой веник, что ли?

Полет отменяется. Ребенок капризно дует губки, вырывает руки из наших и замедляет шаг.

От хорошего настроения у девочки ничего не осталось. А мне жутко интересно, что это за веник и почему он ждет этих девчонок? Им надо что–то подметать? Детский труд в помощь бабуле?

Елена останавливается, присаживается на корточки возле набычившейся девочки. Что–то негромко говорит ей, объясняет, обещает. Мне не слышно, потому что мимо нас проходят две мамаши с мальчиками (не из Марининой группы, тех я более-менее запомнил). Пацаны что-то громко между собой обсуждают, судя по репликам – "Последнего богатыря". Отворачиваюсь от них, чтобы не сверкать обезображенной стороной лица и не привлекать внимания.

– Все в порядке? – спрашиваю, когда Елена и Марина, о чем–то договорившись, поравнялись со мной.

– Да, все хорошо. Простите, что задержали вас. Вы езжайте, у вас наверное дела. Мы сами доберемся.

– До пятницы я абсолютно свободен, – изображаю голосом Пятачка и подмигиваю мелкой. Вижу – узнала фразу. Нахмуренное личико против воли ее хозяйки заулыбалось. – Так что планирую вас подвезти куда скажете.

– Елена Владимировна! – кто–то окликает Лену. Как оказалось – воспитательница, видимо, что–то забыла и теперь спешит перехватить Маринину маму, пока мы не совсем ушли.

– Я сейчас, одну минуту, – предупредив нас, Елена идет навстречу женщине.

Присаживаюсь на корточки перед девочкой.

– Расстроилась, что мороженого сегодня не будет?

– Будет. Дома. Мама обещала купить, – смотрит исподлобья.

– Отличная новость. А чего грустишь тогда?

– Я хотела мороженое из нашего кафе, – снова дуется.

– В следующий раз обязательно туда поедем. А сейчас видишь – вас бабуля ждет, а бабули они такие – сказали – надо делать.

– А ты откуда знаешь? У тебя тоже есть бабуля?

– Есть, еще какая.

– Тоже чудовище?

– Хм, не знаю, вроде нет.

– Познакомишь?

– Если мама твоя разрешит. Мариш, а что за веник вас дома ждет?

– Веник – это мамин жених.

Глава 11. Без мозгов тяжело

– Елена –

Ольге Ивановне срочно нужно решить со мной очень важный вопрос – как председатель родительского комитета я должна организовать покраску детской площадки, а для этого собрать рабочую силу из родителей. Но, кажется, больше всего ее интересует, кто тот мужчина, что пришел со мной и произвел ошеломительный фурор на детей. Я оставила этот вопрос без ответа и быстро попрощалась, пообещав сегодня же отправить сообщение в родительский чат и убедить родителей не слиться с предстоящего субботника.

Поговорив с воспитательницей, догоняю дочь и Дмитрия, которые медленным шагом успели подойти к калитке, ведущей за пределы детского сада.

Замечаю, что мужчина не особо весел, а в глазах появилась какая–то отрешенность. Что случилось, пока я оставила этих двоих наедине на пару минут? Неужели Марина сказала что–то обидное Дмитрию?

– Ну что, куда? – спрашивает Дмитрий, едва я с ним поравнялась.

От холодка в его голосе становится некомфортно. Верните мне то чудовище, которое вызывало обволакивающее тепло и спокойствие в груди. При виде которого под ребрами что–то предательски радостно затрепыхало. Не ожидала я, что Дмитрий приедет в садик и тем более выдержит испытание оравой малышей, реакция которых оказалась непредсказуемой. И тем более восхищена выдержкой Димы и благодарна за то, что он не отказал Марине в просьбе. Вон какая она была счастливая и гордая за свое чудовище.

– Домой, – со вздохом отвечает за меня дочь как раз в тот момент, когда я хочу переиграть и согласиться на мороженое.

– На Площадь Советов? – уточняет Дмитрий.

– Да, туда, – заглядываю ему в глаза, пытаясь понять перемену в настроении. Не удается прочесть его мысли. Как стеной отгородился.

Молча мы доходим до его машины. Приветливо пикает сигналка, и Дмитрий открывает заднюю дверь.

Маришка запрыгивает в салон как к себе домой. Я буквально на долю секунды замираю в ожидании, что Дим Димыч предложит мне сесть на переднее пассажирское, но он молчит.

– Дмитрий, все хорошо? – на миг касаюсь его запястья.

– Абсолютно.

Смотрит прямо в глаза и как будто с осуждением. А в голосе снова этот холод и хочется поежиться. Лихорадочно вспоминаю, где и что я сделала/сказала не так. Маришка только про Веника спросила у меня. Дело в этом?

К нам действительно сегодня придет на ужин Вениамин. Он сам позвонил, извинился за свое поведение в ресторане, предложил загладить вину и познакомиться как подобает с моей дочерью. Он был так красноречив и убедителен, что я оттаяла. Все–таки жених. Но встреча с Дмитрием опять перевернула во мне все с ног на голову. Не хочу встречаться с Веней. Сегодня точно не хочу! Иначе… иначе снова буду сравнивать…

От догадки, что Дима понял, кем приходится мне Веня, щеки заливает краской и мне ничего не остается, как сесть рядом с дочерью, которая успела сама пристегнуться ремнем безопасности.

В машине пахнет тем же потрясающим запахом, что и в прошлый раз. И если бы не стена между мной и Дмитрием, я бы растеклась лужицей на заднем сиденье, замурлыкала бы сытым котенком от удовольствия – тепло, уютно, как дома. Но ощущение дискомфорта мешает расслабиться. Будто призрак Вениамина сидит рядом с нами.

– Доча, как день прошел, что новенького в садике было? – традиционно спрашиваю дочку, избегая напряженной тишины в машине.

Едем вроде всего минуты три, а такое ощущение, что вечность. И дело совсем не в том, что Дим Димыч медленно едет, а в том, что он молчит. И внешне, и внутренне.

– Сегодня Валентина Ивановна Павлика безмозглым назвала. Мам, а как Павлик теперь без мозгов жить будет? Это ведь тяжело.

– Валентина Ивановна – это нянечка у них в группе, – поясняю Дмитрию, ловя его взгляд в панорамном зеркале.

Кивает не глядя. Понял. Хоть бы улыбнулся чуть–чуть.

– Чудовище, – обращается Маринка к Дмитрию, и я мысленно делаю себе заметку поговорить с дочерью, чтобы она больше не называла его чудовищем, – а ты как думаешь, мозги можно купить? Я бы Павлику подарила, а то жалко его.

Только сейчас вижу тонкие лучики морщинок, что собрались вокруг глаз Дмитрия – улыбается. Наконец–то. Пусть не мне, а Марине, но хотя бы так.

– Купить, увы, невозможно, – отвечает мягко. – Но! Их можно вырастить.

– Как это? – искренне удивляется ребенок.

– Передай ему, что если он будет хорошо учиться, много читать, считать, знать таблицу умножения и не лениться, то мозги у него сами вырастут.

– Правда? – пораженно уставилась на меня девочка, ища подтверждение в моих глазах.

Киваю с самым важным видом – правда.

У Дмитрия засверкали озорные искорки в глазках.

– Честное слово, – говорит. – На себе пробовал.

– А я не ленюсь. Мы с мамой много читаем, бабушка учит меня считать, а таблицу умножения, она говорит, мне еще рано учить. А как понять вырос у меня мозг или нет?

Ну давай, Дим Димыч, ответь ребенку. Мне самой интересно.

– Если ты знаешь ответ на любой вопрос, значит, мозг у тебя вырос.

Браво, Дим Димыч! Не соврал!

– На любо–ой? – недоверчиво тянет Маришка.

– На любой, даже самый сложный. Только учти, Марина, чтобы знать все–все, надо учиться всю жизнь. Это так же обязательно, как покушать.

Я подавляю смешок – не удается держать по–настоящему серьезное лицо с этими двумя. Но смех пропадает, как не было, стоит мне услышать:

– Дим Димыч, а мы в воскресенье идем в парк с Веником. Пойдем с нами, а то мне будет скучно.

Меня будто кипятком ошпаривает. Призрак моего жениха только-только растворился, а сейчас снова обретает реальные очертания.

Задерживаю дыхание, чтобы выровнять бешеный ритм сердца.

– Мариша, – обращаюсь к дочери, не дав Дмитрию ответить, не дай бог, положительно, – у дяди Димы свои дела и планы. К тому же дядя Веня пригласил нас двоих, некрасиво будет, если мы придем не одни.

– Скажи ему пусть тоже кого–нибудь возьмет.

Умоляюще смотрю на Дмитрия в зеркало с посылом не соглашаться. Он делает вид, что не замечает моего выразительного взгляда. Но паузу выдерживает как специально, чтобы заставить меня нервничать.

– Не получится, Марина, я буду очень сильно занят.

Слава богам, Дмитрий адекватный человек. Мне же хочется провалиться сквозь землю – настолько неудобно перед ним. И неприятно, что он теперь знает о Вениамине. Успокаиваю себя тем, что Дмитрий нам просто случайный знакомый, и никто из нас никому ничего не

обещал. А Веник – жених. Официальный. И я должна думать о благополучии своей семьи, а не о том, какое ненормальное влияние на меня и дочь оказывает чудовище.

– А чем ты будешь занят? К своей бабуле поедешь? Я с тобой хочу.

Господи, почему мы так медленно едем? Когда уже кончится эта пытка с неудобными вопросами и ответами?

– Я уезжаю в командировку, малыш. Сегодня.

Марина откидывается назад, надувает губы, вот–вот расплачется. Да что ж такое!

И снова Дим Димыч спасает положение:

– Марина, давай мы сходим в парк в другой раз? Можем даже вашего Веника с собой не брать, как тебе такое предложение?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.